

АФГАНСКИЙ ТЮЛЬПАН

Иван Панкратов

Иван Панкратов
Афганский тюльпан

«Издательские решения»

Панкратов И.

Афганский тюльпан / И. Панкратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569474-4

Студент мединститута Миша Филатов грызёт гранит медицинской науки, влюбляется и мечтает со свойственной молодости романтичностью и идеализмом. Ряд сложных жизненных выборов возвращает Мишу с небес на землю. Переосмыслить приходится и отношения, и выбор профессии. Будущий хирург оказывается в новой для себя роли, где приходится общаться с опасными людьми...

ISBN 978-5-00-569474-4

© Панкратов И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
1	14
2	18
3	24
4	30
5	38
6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Афганский тюльпан

Иван Панкратов

*О несчастных и счастливых, о добре и зле,
О лютой ненависти и святой любви...
Воскресение – Музыкант*

*Больше меня не буди, не надо —
Мне снится сон...
Сергей Васюта – На белом покрывале января*

Дизайнер обложки Екатерина Протопопова

© Иван Панкратов, 2023

© Екатерина Протопопова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0056-9474-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реальными людьми случайно.

Пролог

Наши дни

Михаил уже почти занял свою ступеньку, когда перед ним неожиданно возникла женщина. Просто появилась сбоку, положила руку на поручень и застыла. Он машинально отодвинулся, а потом в знак протеста обогнал даму и встал ниже на пару ступенек, почувствовав себя победителем. Ушибленная лодыжка, которую он щадил полдня, не простила таких трюков – заныла и запульсировала.

За спиной раздался громкий звук телефона соседки по эскалатору, а спустя пару секунд и её голос:

– Да, я успела, но там что-то кончилось... Я не очень поняла. Перенесли на субботу. Это, конечно, плохо, потому что каждый день сейчас на вес золота... Ну, ты сама понимаешь.

«Надо же, опоздала она», – подумал Филатов, ощутив лёгкое злорадство, и полуобернулся. Женщина уставилась в смартфон, чуть шевеля губами. Рассмотреть её в деталях было сложно, но выглядывающую из-под бордового платка чёрную чёлку, худое лицо, тонкие и злые губы он увидел. Она покачала головой, после чего прижала к экрану палец, коротко сказала: «Да в нашей медицине везде так!» и отпустила голосовое сообщение на волю.

Михаил отвернулся, переступил с ноги на ногу и едва не охнул от вспышки боли в колене. Кислородный концентратор мстил ему жестоко и неотвратимо...

Первый раз на вчерашнем дежурстве к пациенту Крыгину в гнойную хирургию его вызвали около шести вечера.

В дальнем конце коридора из открытой двери доносилась перебранка двух женских голосов. Один властно отчитывал, другой неумело защищался. Филатов медленно пошёл туда, надеясь понять из разговора, что происходит.

– Почему я никогда не могу найти вас на месте? Капельница закончилась – вас ишу! Обезболивающее уколоть – бегаю за вами! перевязку сделать – а вы опять спрятались! А всё потому, что вы только и знаете, как ходить на перекуры да на кухню! Без конца курите и жрёте, курите и жрёте, а на больных вам плевать!

– Да не курю я...

– И не перебивайте меня! – голос переходил на ультразвук. Михаил остановился, пытаясь представить, кто там так вопит.

– Пять минут назад вы где были? Я просила найти дежурного хирурга. Нашли? Или опять чай гоняли с санитарками? Я это просто так не оставлю, зарубите себе на носу!

– Вызвала, вызвала, – устало ответила медсестра. Филатов увидел, как она пятится в дверь палаты, держа лоток с использованным шприцем. – Придёт, куда денется. Вы поймите, хирург сейчас один на всю больницу, и дела могут быть...

Она краем глаза заметила стоящего рядом врача и развела руками.

– Какие могут быть дела? – вновь раздался крик. – Моему отцу плохо, очень плохо! Где ваш чёртов хирург? Звоните опять, звоните! Или я сама пойду его искать!

Михаил решил, что пора бы ему выйти на сцену и прекратить скандал.

– Чёртов хирург к вашим услугам, – отодвинув сестру за спину, он вошёл в дверь и рассмотрел возможное поле боя.

В шаге от него со сложенными на груди руками стояла и выжигала всё перед собой взглядом худая женщина, которая сразу напомнила матерей из детской хирургии в странных халатах с азиатскими геометрическими узорами, обмотанных поясом в два или три раза, с растрёпанной причёской и в стоптанных домашних тапочках с собачьими ушами. Только вместо куклы

или игрушечного автомобильчика один из карманов сейчас оттягивал небольшой тонометр со свисающей наружу манжетой.

Судя по всему, хирург от выражения глаз крикуньи должен был превратиться в кучку пепла, но это у неё никак не получалось. И, похоже, ей стало стыдно, что слово «чёртов» было услышано, но она старательно не подавала вида. Лишь злобно кусала нижнюю губу и громко сопела.

Справа от незадачливой Горгоны на кровати лежал пациент. Головой к двери, лицом к стене, под одеялом до самых ушей. Филатов видел только его полностью лысую макушку. Вторая кровать вдоль противоположной стены была занята телефоном с проводными наушниками, книгой и большим пакетом с памперсами.

Всё это Михаил успел заметить за время короткого молчаливого противостояния. В палате все были живы. Кровь не хлестала до потолка, никто не хрипел, не хватал ртом воздух и не пытался умереть сию же секунду. Можно было приступить непосредственно к беседе.

– Меня зовут Михаил Андреевич, – представился он. – Я дежурный хирург. Кто вы такая и в чём причина вызова?

– Дежурный хирург – это человек, который дежурит! – громким, почти змеиным шёпотом прошипела собеседница, не стремясь отвечать на вопросы. – А не тот, которого надо с собаками искать.

– Как позвали, так и пришёл. На самом деле дежурить – это спать в больнице по ночам за деньги, – мрачно пошутил он. – Вы именно так дежурящих себе представляете? Сестра вам не солгала – я сейчас один на всю больницу хирург. У меня могли быть неотложные дела...

– Неотложные?! Какие ещё могут быть неотложные дела??? Смотрите!

Рывком вытащив из кармана халата тонометр, она подошла к отцу и неожиданно тихим и вкрадчивым голосом спросила:

– Папа... Папочка, можно я ещё раз?

В ответ – ни звука. Женщина аккуратно достала его левую руку из-под одеяла, натянула манжету и ткнула в кнопку прибора.

– Смотрите! – судя по интонации, в ней сейчас жили как минимум две личности – одна нежно и заботливо общалась с родителем, другая ненавидела всю медицину разом в лице Филатова. – У него давление восемьдесят на пятьдесят!

Хирург терпеливо ждал завершения серии из трёх контрольных измерений и только потом посмотрел на экран. Сто десять на семьдесят. Слегка прищурясь, он покосился на дочь пациента, словно рассчитывая на комментарии, но она молчала, не ожидая такого подвоха от техники и собственного отца.

– Ну и что? – спустя некоторое время выпалила она. – Перед вашим приходом было гораздо ниже! Пришли бы вы сразу...

Михаил отступил на шаг назад, в коридор. Увидев медсестру, попросил её провести замер обычным тонометром. Ещё через пару минут все в палате знали, что артериальное давление у Крыгина в относительном порядке.

Следом в ход пошёл пульсоксиметр. Небольшая тахикардия была вполне объяснима, а вот сатурация девяносто два не очень понравилась.

– Вы будете что-то делать или нет? Я сейчас пойду искать ваше начальство по всем этажам!

– Начальство, я уверен, давно дома, – ответил Филатов. – Мне кажется, мы не с того начали. Как вас зовут?

Вместо ответа раздался лишь скрип зубов.

– Люда меня зовут, – наконец выдавила она.

– А по бабушке?

– Петровна.

– Людмила Петровна, я сейчас изучу историю болезни вашего отца, посмотрю анализы и приму решение. Судя по всему, ничего угрожающего жизни в данный момент не происходит...

Оставив её наедине со своим недовольством, он ушёл в ординаторскую, включил там свет. На пустом столе две папки: одна огромная, с вываливающимися наружу историями болезни, вторая тонкая, с листами назначений; на диване подушка, книга и поверх неё – забытые очки в толстой оправе. Захотелось лечь, взять в руки чтиво и отключиться от всего происходящего хотя бы минут на десять.

Выбрав из папок документацию по Крыгину, хирург сел на давно продавленные пружины, ненадолго прикрыл глаза, потом вздохнул и сосредоточился на чтении.

Сразу выяснилось, что не всё в порядке по онкологическому анамнезу. Пара старых потрёпанных выписок из онкодиспансера сообщили Филатову, что пациент устал от химиотерапии и прекратил её. Не так уж и давно, но судя по общей картине, это не пошло ему на пользу.

– Эх, Людмила Петровна, – вздохнул врач. – Нечего мне тебе сказать в утешение.

Свернув историю в трубочку для многозначительности и постукивая получившимся снарядом по бедру, он вышел в коридор и услышал сумбурный монолог Людмилы. Она хотела дать отцу воды и одновременно справиться о его самочувствии, тот же неразборчиво бурчал в ответ. Михаил отвёл им минуту на разговоры, после чего зашёл в палату.

За время его отсутствия кое-что изменилось. Постель Людмилы оказалась заправлена, пакет с памперсами переложен на подоконник. Растрёпанные волосы женщина собрала в тугий хвост и стала казаться ещё более худой и замученной, но глаза остались прежними – она была готова ринуться в очередную атаку, требуя спасения того, кто сам отказался от лечения.

– Людмила Петровна, мы могли бы с вами выйти? – после небольшой паузы произнёс Филатов. Дочь посмотрела на махнувшего рукой и отвернувшегося отца, одёрнула халат и последовала за хирургом в коридор.

– Людмила Петровна, поскольку я не являюсь лечащим врачом вашего отца, то не очень представляю себе, насколько он и вы информированы о его заболевании.

Она молчала.

– С вами разговаривали о диагнозах? О планах и перспективах?

Короткий кивок.

– В каком объёме?

– Мне дали понять, что его состояние крайне тяжёлое, – выдавила она. – Что он может...

Он может...

– Умереть, – договорил за неё Михаил.

– Да. Но ведь этого не случится.

– Случится, – не меняя интонации, возразил он. – Я вам скажу больше. Процесс уже идёт. У вашего отца слишком тяжёлые заболевания – и все вместе они практически не оставляют ему никаких шансов.

– Нет, – она продолжала отрицать бесспорное для хирурга и совершенно неочевидное для неё самой. – Ногу ампутировали. Это должно было помочь. Почему всё опять так плохо?

– Всё плохо стало не сейчас, – покачал он головой, не соглашаясь с её видением ситуации. – Всё плохо было уже давно. Ампутация не принесла сколько-нибудь значимого улучшения. Организм измучен химиотерапией. На этом фоне два перенесённых инфаркта лишь ухудшают ситуацию...

Людмила Петровна смотрела на него непонимающим взглядом. Из глаз у неё вытекли слезинки.

– Положите его в реанимацию, – вдруг попросила она, перебив хирурга. – Я понимаю, да. Он умирает, – она перешла на громкий шёпот, – но в реанимации ему помогут. Я знаю, я слышала. В реанимации – там ведь лучшие врачи. Самые-самые.

Она сделала быстрый шаг вперёд и схватила его за плечо. Михаил Андреевич не предполагал, что это может быть так больно. У женщины были длинные ногти, которыми она впиалась ему чуть повыше локтя в руку и потянула на себя.

– Положите его в реанимацию. Там спасут. Там помогут. Он ведь столько всего сделал. Он помогал деньгами больным детям. Он спортивный центр открыл. Он на этой проклятой работе здоровья лишился, а ведь был сильный – спортсмен, биатлонист, мастер спорта!

Филатов как загипнотизированный слушал, не в силах освободиться от её неожиданно сильных пальцев.

– Положите его в реанимацию, – продолжила она свою мантру, чувствуя, что хирург не может вырваться. – Он ведь задыхается, а там ему дадут кислород. Я спрашивала, здесь нигде нет кислорода. Странная больница. Люди у вас тут задыхаются. Им дышать нечем.

Она внезапно замолчала и пристально посмотрела Михаилу в глаза. Он к тому времени смирился с тем, что на плече будет синяк.

– Вы когда-нибудь задыхались? – вдруг спросила Людмила Петровна. – Так, чтобы ртом воздух ловить.

– Нет. Но это не изменит ситуацию. У вашего отца нет показаний к нахождению в реанимации.

– Как нет? – она оттолкнула его и вновь превратилась в ту дьяволицу, что горящими глазами перемещала по палате предметы. – Почему?

– У него декомпенсация тяжёлых хронических заболеваний, в том числе онкологического, – попытался вспомнить правильную для таких случаев формулировку хирург. – Ему показано паллиативное лечение в общей палате стационара. Или даже дома, под патронажем.

– Вы с ума сошли? – женщина развела руки в стороны, апеллируя к стенам гнойной хирургии. – Дома?

Это было всё, что она услышала. «Запоминается последняя фраза». Теперь она будет думать, что их с отцом выгоняют домой.

– Нет, точно стоит обратиться к вашему начальству, – Людмила Петровна мгновенно трансформировалась из плачущей и скорбящей по ещё не умершему отцу дочери во властного функционера, готового подключать административный ресурс. – Хотя да, вы правы, они все уже дома. Тогда я напрямую обращусь в реанимацию. Где у вас реанимация? Я поняла, что вы не хотите ничего решать. Проку от вас нет никакого.

Она развернулась и пошла к выходу из отделения. Возле открытой двери палаты, где лежал отец, на мгновение остановилась, посмотрела туда, словно убеждаясь, что он ещё дышит, после чего вновь зашагала по коридору. Филатов понятия не имел, насколько быстро она найдёт нужный этаж, но решил, что препятствовать ей не будет. Возможно, реаниматолог подберёт другие слова и остановит этот танк в халате. Правда, особой надежды на это у Михаила не было.

Тем временем дьяволица завернула за угол, где начиналась лестница. Реанимация находилась этажом выше, но дверь в неё не была никак обозначена. Он постарался догнать Людмилу Петровну и пристроиться в паре шагов за спиной. Ему не приходил в голову ни один законный вариант прервать этот поход по больнице. Хватать её за руки, толкать, кричать – всё это только усугубило бы ситуацию.

Тем временем она с ходу толкнула дверь в реанимационный блок, решив, видимо, прочёсывать больницу досконально. Указаний на то, что это именно реанимация, нигде не было, но на двери напротив висела табличка «Старшая сестра», а чуть сбоку большого холла, в его дальнем конце – «Ординаторская».

Людмила Петровна дёрнула дверь безо всякого предварительного стука и вошла внутрь. Михаил почти вбежал следом за ней.

Дойдя до угла длинного встроенного шкафа, за которым скрывалась ординаторская, она на мгновение замерла, глядя перед собой, а потом моментально скрылась из вида. Хирург последовал тем же маршрутом и увидел, как она стоит на коленях у дивана, на котором спала Света Морозова.

– Возьмите моего папу! – почти крикнула Людмила Петровна. Света резко вздрогнула, села и затрепыхалась в одеяле как рыба, пойманная в сеть. Её испуганные глаза смотрели то на странную женщину, то на хирурга.

– Светлана Дмитриевна, я не знаю, как это прекратить, – развёл Михаил руками.

– Вы кто? – наконец заговорила напуганная Света. – Какого чёрта?! Кто вас сюда пустил?

Ей удалось выпутаться из одеяла. Она вскочила, нащупывая на полу кроксы.

– В гнойной хирургии у неё отец. Требуется поместить его в реанимацию, – коротко объяснил ситуацию Филатов. – Решила сама к вам прийти. Остановить нереально.

– Так охрану вызовите! – крикнула Морозова. – Какая реанимация, какой отец! У меня мест нет, все койки и все аппараты заняты!

– Найдите! – вступила в разговор с новой идеей дьяволица. – Так не может быть! Найдите аппарат для моего папы... Он там задыхается!

– Что значит «наймите»? – Света сумела всё-таки нормально обуться, одёрнула рубаху, машинально взяла со стола ручку и сунула её в нагрудный карман. – Мне кого-то снять с аппарата ради вашего отца? У этого «кого-то» тоже, возможно, есть дочь, и она явно будет не в восторге. Драться предлагаете за аппараты? Михаил Андреевич, охрану вызовите, пусть проводят даму!

Морозова подошла к своему столу, вытащила из ящика электронную сигарету и всем видом дала понять, что сейчас пойдёт курить и не будет больше участвовать в разговоре. Людмила Петровна, видя такую решимость, не нашлась что ответить, и пропустила Свету к выходу.

Проходя мимо Михаила Андреевича, Света тихо спросила:

– В чём там проблема?

– Онкология, сепсис. Сатурация низковата.

– Так найдите ему концентратор.

Она ушла и закрыла за собой дверь. А Людмила Петровна услышала слово «концентратор».

– Я знаю, что это такое, – она подошла к хирургу. Тот благоразумно отступил, не дожидаясь, когда её ногти в очередной раз вопьются ему в руку. – Найдите концентратор, если у вас нет кислорода в отделении.

– В гнойной хирургии их нет. В реанимации – тоже нет, потому что здесь они не нужны. Остаётся терапия. Но как нам объяснили, почти всё, что было, передали по запросу в ковидные центры.

Надеясь, что там найдётся хотя бы один никому не нужный аппарат, он не стал, но нужно было показать хоть какую-то деятельность, и он сказал:

– Людмила Петровна, вы идите в палату к отцу, а я поднимусь в терапию и попытаюсь это решить. Не могу обещать со стопроцентной уверенностью – но вдруг.

Она посмотрела на него одновременно и с недоверием, и как на бога. Потом молча, опустив голову, пошла обратно в отделение. Михаил вздохнул, подумал, что нехорошо обещать невыполнимые вещи, но делать нечего – надо было сходить наверх и поспрашивать. Возможно, где-то в кладовке у них и найдётся какой-нибудь списанный агрегат.

В терапии никто ему с такой просьбой не обрадовался.

– Концентратор? – удивлённо подняла бровь медсестра на посту. – У нас несколько человек со своими лежат, а остальные уж как придётся. Один на всю палату. Как сатурация упадёт, так они кроватями меняются. Розетка в палате одна. Кто возле неё лежит, тот и дышит. Ладно, пойдёмте...

Они вошли в одну из дальних палат. С кровати на них тоскливо взглянули четыре старичка лет под восемьдесят каждый. На одном из них была зелёная пластиковая маска, от которой трубочки уходили за спинку кровати. Оттуда раздавался ровный сильный шум.

Сестра указала в другой конец палаты.

– Вот там. Сломанный, кажется. Вроде работает, но через воду очень слабо, только литр в минуту. Дедушки на нём не вывозят. Если мимо воды воткнуть, будет около пяти литров. Но без увлажнения. Тоже долго не выдерживают. Годится?

Хирург вздохнул, потянул на себя концентратор и с удивлением обнаружил, что тот не едет.

– У него все колёсики отломаны, – пояснила медсестра. – Давно. Впрочем, как и у всех.

– Чудесно, – прокомментировал он и потянул ещё сильнее. Аппарат выполз из угла, оставляя на линолеуме светлые полосы. Колёсики-то отломались, но их крепления никуда не делись и сильно мешали процессу.

– Придётся нести, – покачал головой Михаил. – А он килограммов двадцать весит...

Он примерился к прибору, прикинул расстояние до лифта, который был в другом крыле этажа.

– Дверь подержите, – попросил он медсестру. Взялся за ручку, поднял обеими руками, прижав к правому бедру и, словно краб, полубоком двинулся в коридор. Деда проводили его детскими взглядами, в которых читалось полное непонимание происходящего.

По пути к лифту пришлось делать остановки. Концентратор оказался не особо тяжёлым, но очень неудобным в перемещении. Весь его корпус, все углы и выступы были сконструированы таким образом, чтобы никому и в голову не пришло нести его на руках. Несколько раз ударив им колено и лодыжку на правой ноге, хирург озверел и был уже готов волочить его по полу.

Затащив агрегат в холл отделения, Филатов увидел, как из палаты Крыгина вышла Света Морозова.

Михаил взялся снова за концентратор, но Света, подойдя к нему, покачала головой:

– Уже не надо.

Она достала из кармана пачку со стиками для электронной сигареты, покрутила её в руках и добавила:

– Пойду подышу отравой. Время смерти восемнадцать сорок. Это вам для истории болезни.

И она вышла на улицу, направляясь к беседке для курения. Филатов всё-таки снова вцепился в концентратор, словно прибор давал ему индульгенцию, и поволок его в палату. Он обещал принести аппарат – и он его принесёт.

В дверях он остановился. Людмила Петровна сидела на стульчике возле отца, спиной к хирургу, наклонившись вперёд и спрятав лицо в ладонях.

– Папочка, прости... Папочка, прости...

Михаил хотел тихо поставить свою добычу на пол, но вышло не очень удачно – в приборе что-то звякнуло, женщина вздрогнула и обернулась, совершенно потерянным взглядом посмотрев на Филатова. От её резко почерневшего лица больше не была наотмашь та энергия, с которой она боролась за здоровье отца, но и этого выражения глаз хватило, чтобы хирург сел на концентратор, словно его толкнули в грудь.

– Принесли? – спросила она. – Спасибо.

Михаил Андреевич пожал плечами. К нему подошла дежурная медсестра и прошептала:

– Надо челюсть подвязать... Ну и бирку...

Людмила Петровна не слышала, о чём идёт разговор, но примерно поняла его суть.

– Я сейчас уйду. Через три минуты, – попросила она у врача.

– Конечно, – тот встал и отошёл от двери, чтобы не видеть сцены прощания. Сестра, не отставая от него, тихо сказала:

– Она когда вернулась, то сразу опять начала давление измерять. Термометр у меня попросила. Он даже поругаться с ней хотел – утомила она его. А она: «Папочка, я им всем ещё покажу, как надо за больными ухаживать!» Достала просто с этим гражданином. Я тогда пришла ставить ему Транексам, а она опять: «Всё у вас медленно, всё без души, плевать вам на всех! Заторможенные какие-то, не спешите никуда, пусть все сдохнут!» Я молча старалась работать, мне по смене передали, что она всех ненавидит. Матом только не ругается, типа интеллигентка. И вот она бухтит, бухтит, даже толкнуть меня хотела, когда я мимо проходила за вторым флаконом. И тогда отец её вдруг как громко скажет: «Люда, твою мать! Заткнись! Заткнись, я тебя умоляю!»

Она замолчала, вспоминая, а потом добавила:

– Только он после этих слов сразу и умер. Как будто ждал всю жизнь, чтобы их сказать.

– Помолчите, – не дал ей договорить Михаил, потому что Людмила Петровна вышла из палаты с двумя пакетами.

– Я там памперсы оставила, – сказала она, подойдя к хирургу. – Может, кому ещё...

Он хотел сказать «спасибо», но не сумел.

– Тяжёлый? – неожиданно спросила она, кивнув на агрегат.

– Нормальный. Дотащил же.

– Ну да.

Она вздохнула и пошла к выходу.

Филатов вернулся в ординаторскую, слегка хромая на ушибленную ногу, лёг на диван и закрыл глаза. Он знал, что сейчас будет.

Он заснет и увидит тот самый сон, который преследует его с завидной регулярностью – по несколько раз в год с последнего курса института. Вот и сейчас, после смерти пациента, он был уверен, что всё повторится...

Девушка в тонком халатике стоит на подоконнике девятого этажа. Она держится одной рукой за раму и высовывается наружу из открытой створки. Взгляд её направлен куда-то вниз и в сторону, а Михаил находится чуть позади и не может сделать к ней ни шагу. Ноги словно ввязнут в смолу, не давая даже шевельнуться.

Наконец девушка видит то, что высматривала, оборачивается с улыбкой, машет ему свободной рукой – и тут её нога соскальзывает вниз, она удивлённо вскрикивает и исчезает из виду. А он стоит и смотрит, заходясь в немом крике.

Она падала всегда. Он ничего не мог с этим сделать. Ни подойти, ни схватить, ни даже окликнуть. Улыбалась ему, махала рукой и шагала в пропасть вот уже двадцать пять лет...

Филатов вздрогнул и проснулся с колотящимся сердцем.

Больше его в ту ночь никуда не вызывали.

Эти воспоминания о вчерашнем дежурстве пролетели в голове очень быстро – ровно за то время, что он спускался на самую глубокую станцию московского метро «Парк Победы». Очнувшись от внутреннего диалога с дочерью умершего пациента, услышал, как женщина позади него прослушала сообщение, и оно начиналось с очень знакомого имени.

Имя моментально улетело вместе с ветром под потолок шахты, но что-то потревожило в памяти. Он когда-то произносил это имя. Сложно было поверить, что он сейчас обернётся и увидит того самого человека.

Михаил не придумал ничего лучше, как просто развернуться, чтобы посмотреть на неё в упор.

И когда их глаза встретились, эскалатор остановился.

Часть первая

Осколки

*Я мозаику сложу из разбившихся зеркал,
Свой корабль снаряжу в дальний путь-воспоминанье...
Вячеслав Малезжик – Мозаика*

1

1985 год

Слуха у Миши не было. Никакого. Никогда.

Ещё во втором классе мама нашла на столе записку: «Ушёл вступать в школьный хор». Для неё это звучало как попытка реализации мечты ребёнка, рвущегося на сцену, а для него была просто констатация факта. Мама просила всегда ставить её в известность, если он куда-то уходит – вот он и написал.

В кабинете музыки всех по очереди заставляли петь «Мишке весело». Филатову с учётом его имени стало смешно. Он хмыкнул, откашлялся и что-то прокричал. Учительница в ответ взяла очень громкий аккорд на пианино, широким жестом смахнула с клавиш звук в сторону мальчика и скомандовала:

– Следующий!

На этом его карьера в школьном хоре закончилась. Больше петь он не рвался, но в возрасте двенадцати лет опять решил прикоснуться к прекрасному – ему внезапно пришла в голову идея научиться играть на гитаре. Впрочем, элемент неожиданности здесь существовал только для мамы. Миша давно завидовал своему соседу Эдику, который вовсю шпарил на лестничной клетке Розенбаума и Высоцкого, хоть и был всего на пару лет старше.

Мама сходила в магазин и узнала, что инструмент стоит двадцать пять рублей. Цена была для зарплаты врача практически неподъёмной, но выручили бабушка с дедушкой. Правда, их пришлось убеждать, позвав с собой Эдика, который сумел внушить семье приятеля, что научит его играть – причём сделал это так, что даже сам Миша ему поверил. Деньги были извлечены из секретной копилки. На следующий день Филатов гордо нёс домой из музыкального магазина в прозрачном полиэтиленовом пакете новенькую шестиструнную тёмно-коричневую гитару.

Он видел, как на него смотрят прохожие – кто с уважением, кто с любопытством, но никто – никто! – не оставался равнодушным. Временами он задевал пакет коленом, струны издавали сдавленный стон и успокаивались, соприкасаясь с полиэтиленом. Миша держал покупку за гриф ближе к корпусу, и хотя она была для него тяжеловата, делал вид, что ноша эта ему привычна.

Дома он поставил её на диван и долго смотрел, представляя себя на сцене. Жутко не хватало гитарного ремня – хотелось сразу повесить инструмент на шею и взять какие-нибудь не самые сложные аккорды. Плюс к этому обнаружился жуткий недостаток – издали были видны отпечатки пальцев. Филатов попробовал вытирать их рукавом, потом полотенцем – и нашёл в полумраке внутренностей удивившую его большую бумажную наклейку «Магнитогорская фабрика пианино». Немного изучив историю предмета, он понял, что и гитара, и пианино – струнные, только первый инструмент клавишный, а второй – щипковый. Наверное, этот факт позволял делать их на одной фабрике, но когда Миша прочитал об этом на этикетке, его решительность научиться играть немного поколебалась, и почти совсем исчезла от воспоминания о школьной учительнице музыки, которая после набора детей в хор никогда не ставила ему оценки выше тройки,

Ближе к вечеру пришёл Эдик. Мама уже вернулась с работы и смотрела, во что превратились двадцать пять рублей. Кажется, она уже тогда знала всё о перспективах своего сына в мире музыки, но виду не подала.

Приятель притащил свой исцарапанный инструмент странного желтоватого цвета. На верхней деке, сразу за подставкой, красовалась большая переводная картинка, на которой примерно по пояс была изображена женщина – в одежде! – со странной причёской в виде боль-

шой шишки. Между струнами в районе колков Эдик засунул несколько медиаторов разного цвета. Сразу было видно – профессионал.

Взяв Мишину гитару в руки, он откинулся на диване так, словно собирался сейчас закурить и спеть «Мурку».

– Отличный инструмент, – погладив его изгибы, он добавил новых отпечатков на только что оттертую от них поверхность. – Отличный. Настроил?

Вопрос для Филатова был неожиданным. Он, конечно, понимал, что не всё так просто, но о настройке особо не задумывался, хоть и наблюдал пару раз, как Эдик, сидя на подоконнике в подъезде, что-то с задумчивым видом крутит на грифе и ковыряет ногтем струны – процесс не выглядел сложным, но требовал первой демонстрации.

– Я думал, ты покажешь. А дальше я сам.

– Разумно, – ответил Эдик. Так говорил его отец, когда подходил с бутылкой пива к лавочке, где играл сын, слушал пару песен Владимира Семёновича, почему-то произносил: «Разумно», словно хваля автора за мысли в тексте, даже если песня была смешная и дурацкая. Эдик, естественно, перенял манеру отца – но его «Разумно» сейчас было гораздо более к месту. Сменив расслабленную позу на деловую, он потренировал пальцами по струнам, поморщился и посмотрел на Мишу:

– Неси листочек и ручку. Так не запомнишь. Я тебе немного теории продиктую.

Филатов поднял взгляд на вошедшую в комнату и сделавшую вид, будто просто так зашла, убедиться, что все живы-здоровы и никто не хочет есть, маму, обошёл её и, вернувшись с тетрадкой и ручкой, сел напротив Эдика на пол и приготовился записывать.

– Значит, так, – начал тот, звякнув самой тонкой струной. – Струна первая, она же Ми. Нота такая – ми. Знаешь ноты?

«Мишке весело», – прозвучало тут же в голове. Он кивнул, но как-то неуверенно.

– Фигня, выучишь, – махнул рукой друг. – Настраиваем первую струну на «ми».

Он быстро несколько раз зацепил её ногтем, что-то заныл под нос и подкрутил колок. Звук отчётливо изменился.

– Кстати, – отвлекшись на мгновение, посмотрел на юного гитариста Эдик. – Запиши, что она ещё называется буквой Е. Это для аккордов надо.

Вторая струна оказалась нотой «си» и буквой «Аш».

– Русская Эн, – когда ученик не понял, уточнил Эдик. – Смотри, здесь просто. Зажимаешь вторую на пятом ладу – и она звучит как первая. То есть должна так звучать. Слышишь?

И он продемонстрировал этот приём. Мише показалось, что звучат они похоже, но Эдик скривился и начал накручивать колок второй струны. Ещё одна проба, ещё... Для Филатова всё было одинаково, приятель же находил в этом разницу.

Третью он настроил на «соль» по второй, прижав её на четвёртом ладу – и так далее. Процесс для Миши был, с одной стороны, открыт и прост, с другой – совершенно непонятен. Однако на вопрос «Всё ясно?» он кивнул, соглашаясь. В тетрадку всё записал – какой лад где зажимать, как струна называется и какую ноту даёт.

– А «Смоук он зе Вотэ» у Дип Пёрпл слышал? – закончив с настройкой, спросил приятель. Миша, конечно же, не слышал. Магнитофон у него был, но включала на нём мама в основном Пугачёву и «Песняров». – Там всё гитарное вступление – на открытых струнах, прикинь?

Он сделал многозначительное лицо, словно сообщил страшную тайну. Филатов пожал плечами, но выражение «открытые струны» запомнил и на всякий случай сказал:

– Нифига себе. Круто.

– А ты как думал, – Эдик поковырял в зубах медиатором. – А теперь ты будешь учить «Кузнечика». До Дип Пёрпл тебе ещё далековато.

– «Кузнечика»? – Миша плохо представлял план развития его музыкального образования.

– Что-то не нравится? В музыкальной школе ты не учился, нот не знаешь, сольфеджио не читал. Так что «Кузнечик» – это ещё нормально.

Сам Эдик тоже школу не посещал и ни о каком сольфеджио не слышал. Ему просто нравилось это слово. Произнося его, он представлял большую, толстую и обязательно пыльную книгу, поэтому в его понимании сольфеджио надо было именно читать. Напустив для важности туману, он ещё больше вырос в глазах друга – и примерно на столько же отодвинул возможность научиться играть хотя бы «так же, как Эдик».

Каждый взял свою гитару. Ученик машинально пытался копировать позы и движения наставника, размял пальцы и внимательно посмотрел на Эдика.

– «Кузнечик» играется на первой струне, – услышал он. – Вот так.

И Эдик, ловко перебирая пальцами, извлёк из инструмента нужные звуки. Филатов заметил, что у друга были длинные, не слишком ровные и грязные ногти – но цеплять ими струны было очень удобно, даже медиатор не требовался.

– Повторишь?

Миша не смог. Он даже половины не запомнил.

Наставник медленно стал показывать, ученик копировал. Через несколько прижатий струны он почувствовал, что подушечка среднего пальца, которым он давил, сильно заныла и потребовала отдыха. Помахал в воздухе рукой, давая ей передышку.

– Болит? – усмехнулся Эдик. – У меня первые два месяца так болело! Я пока аккорды брать учился, аж до крови всё стирал. Честно. Вот смотри!

Он протянул к нему руки ладонями вверх. Во взгляде читалось: «Ты потрогай!» Филатов потрогал кончики его пальцев, потом для сравнения своих. Прикусил губу то ли от зависти, то ли от безысходности.

– До крови! – повторил Эдик. – Надо, чтобы мозоли там получились. И тогда не больно.

За следующие пять минут Миша изучил последовательность ладов, в которой надо было прижимать струну для получения правильных звуков. Эдик – тут надо отдать ему должное – очень терпеливо ждал, пока у него хотя бы с шестого или седьмого раза не получится что-то похожее.

– Совсем как... Как огур... Огуречик, – шептал он текст детской песенки. – Зелёный... Он был... Был... Ну вот же!

У Филатова действительно получилось. Он отпустил гриф и замахал в воздухе левой рукой, которая устала так, словно он таскал ею гантели. Средний палец жутко ныл; он боялся на него посмотреть, потому что был уверен, что там всё «до крови», как обещал Эдик.

– Есть будете? – услышал он мамин голос и с плохо скрываемой радостью в голосе ответил: «Да». Перерыв означал как минимум паузу в обучении, а как максимум – и вообще его конец на сегодня. Но Эдика так легко было не купить.

– Елена Владимировна, я сейчас ему ещё покажу немного, а то для первого раза мы, считайте, вообще ничего не сделали.

Что-то было такое во взгляде сына, что мама отрезала:

– Нет уж. Хватит на сегодня. Марш за стол. А потом ещё уроки делать.

Ученик сделал вид, что разочарован материнским распоряжением, отставил гитару, вздохнул, опустил голову и пошёл на кухню. Следом за ним двинулся Эдик. Сидя за столом, Миша незаметно массировал большим пальцем подушечку среднего и ощущал болезненное вдавление от струны. Крови там, конечно, никакой не было, но увидеть её в будущем во время таких занятий он желанием не горел.

Эдик приходил потом ещё два раза. Показал пару переборов, один бой. Вместе они нарисовали несколько аккордов в тетрадку, подписали их латинскими буквами. Если брат вот так, то будет «Вальс-бостон», а если так – «Заходите к нам на огонёк». Филатов со всем соглашался, пытался растопыривать пальцы на грифе, но чувствовал, что некоторых аккордов он не услы-

шит никогда. Не хватало ни длины пальцев, ни силы в них. В отсутствие мамы он пробовал учиться по тетрадке, но понял, что очень хорошо тренирует правую руку, которой надо было просто махать по струнам или перебирать их – а вот левая рука, будь его воля, вообще бы в игре не участвовала.

Когда мама была дома, он делал уроки, читал, смотрел мультики, но инструмент в руки не брал, объясняя это тем, что уже позанимался, на самом деле скрывая тот факт, что продвижение в обучении застопорилось ещё на «Кузнечике».

Время от времени, примерно раз в две недели, у него просыпалась совесть. Тогда он всё-таки демонстрировал небогатые навыки, звеня струнами в своей комнате, как только за дверь раздавались тихие шаги мамы – она замирала на несколько секунд, прислушивалась, а Миша в такие моменты старался быть очень убедительным. Несколько раз брал один и тот же аккорд, давая понять, что усидчив и трудолюбив; крайне внимательно перебирал струны медиатором – пусть медленно, но точно. Ему даже начинало казаться, что он действительно делает успехи – но в этот момент мама отходила от двери, и весь его настрой тут же пропадал, пальцы переставали слушаться, и гитара отставлялась к стене.

Примерно через пару-тройку месяцев бессмысленных занятий стало ясно, что никакого продвижения нет и даже знание таких слов, как «обечайка» и «барре» не сделают его гитаристом. Он всё реже и реже обращал внимание на инструмент возле стола. Ещё через месяц в кладовке на глаза ему попался большой пакет, в котором он принёс изделие Магнитогорской фабрики из магазина – Филатов сунул в него гитару и поставил за шифоньер. Сразу стало свободнее и спокойнее на душе. То самое «С глаз долой – из сердца вон!».

Мама не приставала с вопросами. Она была с самого начала уверена в безнадёжности этого мероприятия. Хотя не исключено, что надеялась. В глубине души. Как все мамы.

Он оценил её невмешательство потом, когда стал старше. Она ведь могла настаивать на занятиях, требовать результаты, просить что-то сыграть. В общем, раскручивать по полной на все двадцать пять рублей, потраченные на его прихоть. Но, скорее всего, она вместе с дедом и бабушкой пожертвовала этой немалой в то время суммой, чтобы преподнести ему урок. Показать вздорность некоторых желаний, поверхностный взгляд на них, детское наивное ощущение лёгкости, которого просто не могло быть там, где требуется недюжинный труд, усидчивость, преодоление. Эти деньги могли стать лишь входным билетом в мир крови и пота – но никак не единственной затратой на этом пути.

Билет Мише купили – но он не поехал по нему. Не смог. Он не представлял, что это такое. В двенадцать лет вообще сложно предположить, как это что-то может не получиться. Поэтому дети так уверены в том, что умеют петь, рисовать, лепить из пластилина, играть на гитаре или пианино, а жизнь рвёт им души как струны. И только единицы, упёртые, злые, готовые на всё – добиваются успеха в музыке, спорте, искусстве. Он не добился. Не прокатило.

Но к тому времени произошли кое-какие изменения.

В мире зазвучал Modern Talking, а Миша неожиданно научился танцевать.

2 1986 год

Когда летом восемьдесят шестого Вадик Семёнов приехал из пионерского лагеря и поведал пацанам во дворе, что есть певица, которая поёт «Ёмахо, ёмасо» – Миша не особо проникся его восхищением. Подумаешь, поёт. Малезик тоже поёт. Ещё и по-русски. Всё понятно, всё просто:

– «Ещё раз уйти, чтобы вернуться, ещё раз закончить, чтоб начать...»

А вот эти «ёмахо, ёмасо» ничего не значили. Хотя если уж совсем честно, то где-то очень глубоко в душе – настолько, что он даже боялся себе признаться – ему хотелось это и услышать, и посмотреть.

– Там вроде мужик поёт, – сомневаясь, но не переставая восхищаться, рассказывал Вадик. – Но в платье и с косметикой. Вот прямо с помадой, в блёстках.

Филатов недоверчиво слушал это описание, пожимал плечами и равнодушно махал рукой – не может такого быть, чтобы мужик с помадой и блёстками. Значит, точно тётка. Вадик ходил по двору и словно зомби без конца повторял эти магические «ёмахо, ёмасо», причём делал это настолько часто, что к вечеру уже и Миша вторил ему, с трудом представляя мелодию и значение этих слов в оригинале.

Modern Talking с двумя выпущенными альбомами к тому времени уже год гремели по всей Европе, а наши меломаны информацию о знаменитой забугорной группе собирали по крупицам. Видеомагнитофонов не было почти ни у кого; удачей считалось достать потрепанную постеру из журналов или купить втридорога фирменный винил и сделать десятки копий на магнитофонных кассетах.

Самыми продвинутыми были дети моряков, которым родители могли привезти пластинки, плакаты, двухкассетники и видаки из Японии – они и становились центром притяжения в школе. Все остальные довольствовались их рассказами, возможностью полистать журнал на задней парте или тем, что позже назовут «пиратскими копиями». Поэтому, зная английский язык на уровне шестого класса школы, из звучания кассеты МК-60 можно было выделить лишь наборы красивых звуков да основную мелодию. Так что «Ёмахо, ёмасо» – было для Вадика и Миши пределом их понимания, а на партах и заборах стали появляться надписи «Moden Tokin» и «Sisi Katch», которая к тому времени выпустила свои сначала синглы, а потом и первый альбом в Европе, но мальчиков интересовала больше её внешность на плакатах, чем творчество.

Немецкая группа уже собиралась распадаться первый раз, а Филатов только услышал о ней летом восемьдесят шестого. Он тогда следом за Вадиком был отправлен мамой в пионерский лагерь «Звезда» в пригороде Владивостока.

Почти все девчонки в отряде были по необъяснимой причине на один год старше мальчишек. Их будто специально подбирали для морального унижения мужской половины. Пацаны после шестого класса смотрелись рядом с девочками, перешедшими уже в восьмой, как детсадовская группа. Все были худыми, маленькими, с ещё тонкими голосами – а девочки оказались чуть ли не на голову выше, с начинающими формироваться выпуклостями. И самое главное – они вообще не смотрели на мальчишек из своего отряда: заговорить с ними, конечно, было можно, но вот увлечь настолько, чтобы с тобой продолжили общаться больше двух минут, казалось почти невыполнимой задачей.

Объединяла их дискотека. Она проходила во все дни, кроме понедельника и вторника, с семи вечера. Для младших отрядов до девяти, для старших до полдесятого, на большой веранде для собраний и просмотра кино. У стены возле кинобудки стоял стол с большими

двухкассетниками и усилителями, по углам – колонки высотой по пояс. Провода были уложены вроде бы аккуратно, но вожатые, ответственные за звук, постоянно о них спотыкались, пинали их, и время от времени музыка замолкала. Самые опытные отрядные пацаны шептали своим приятелям: «Да они пьяные в дрова...». Миша в этом пока не разбирался, но верил на слово.

Он не очень любил ходить на дискотеки, потому что испытывал на них двойственное чувство. Ему нравилось быть здесь, наблюдать за происходящим, но и было грустно оттого, что он не умеет танцевать и никому здесь неинтересен. Он сидел на перилах веранды, привалившись спиной к одному из столбов, держащих крышу, и подёргивал ногой в такт музыке с глубокомысленным лицом, пытаясь делать вид, что знает слова.

Девочки из их отряда стояли в кругу и двигались как умели. Спустя много лет Филатов понимал, что называть это топтание на месте танцем можно было лишь с большой натяжкой, но сами девочки себе в этот момент очень нравились. Они смотрели друг на друга, встряхивали волосами, мило улыбались, делали необычные шаги на месте, клали руки на талию, потом взмахивали ими... Мальчишки, которые были постарше и посмелее, танцевали поодаль и делали это так, словно уворачивались от пуль. Грации в них было по минимуму, они просто повторяли однообразные движения и бросали косые взгляды на девчонок – не смотрят ли на кого-нибудь из них?

Он видел всё это со стороны. И перестрелку глазами, и попытку начинающих подражать тем, у кого были продвинутые движения и попадание в такт музыке, что удавалось далеко не каждому. Его чувство ритма плакало навзрыд, видя, как многие пацаны (и не только они) совсем не совпадали с его притопыванием ногой.

– Блин, ну вы чего, – бурчал он. – Раз, два, три, четыре...

Где-то в голове у него рождались интересные шаги, которыми бы он хотел отметить на дощатом полу веранды. Ему казалось, что стоит лишь начать – и всё пойдёт само. Вот он выходит, ставит ноги, вот так делает руками, потом поворот, движение навстречу...

Девочкой, к которой он хотел бы подойти, конечно же, была Марина из их отряда. Выше его на полголовы, стройная, с длинными волосами, собранными то в косу ниже плеч, то в хвост почти до пояса. На дискотеку она всегда приходила в коричневой жилетке поверх белой футболки, в таких же коричневых бриджах и кроссовках с зелёными полосками, и очень красиво двигалась, руки летали в такт музыке. Каждый шаг был точным, изящным и именно таким, как если бы Миша знал в то время слово «эротичный». Она никогда никому не мешала, но при этом танцевала широко – девочки машинально расступались, словно уважали это её право на прекрасный танец и отдавали своё место на веранде для него.

Музыку ставили самую разную. АВВА, Ottawan, внезапная «Я московский озорной гуляка», а следом вожатые могли воткнуть «Девочка сегодня в баре». Но больше, конечно, было итальянцев. Он не знал их по именам, но в каждой песне было хоть одно запоминающееся слово, и его можно было петь и делать вид, что мелодия тебе как родная. Этим он и занимался, глядя на Марину, которая была одинакова хорошо и под «Феличиту», и под «Мани-мани-мани», и под «Все бегут» Леонтьева.

Тогда ещё не было откровенного презрения к отечественной музыке – мол, да что они хорошего могут написать, лучше вот это послушай! Очень неплохо звучали София Ротару и Кузьмин несмотря на то, что где-то на кассетах дожидался очереди Modern Talking. Едва начинали звучать первые аккорды той самой «Ёмахо-ёмасо», как сидеть оставались только Миша и ещё парочка закомплексованных чудаков-ботаников. Всех словно ветром сдувало, хотелось хоть как-то оторваться под этот навязчивый мотив, который не давал никаких шансов остаться равнодушным. Все танцевали, напевали куплеты, как могли, а потом орали хором:

– Ёмахо! Ёмасо! А кип эчарин невер вин ай ноу!

Он просто шевелил губами, ощущая своё жуткое одиночество и убийственную непричастность ко всеобщей радости и веселью. Высокий и красивый голос вокалиста – или вока-

листки, ведь Миша на тот момент не знал про группу ничего – пробирал до мурашек. Если быть до конца честным, то ничего похожего тогда на дискотеке не было. Никакие другие исполнители не могли даже попробовать сравняться с немцами – или немками? – по силе своего воздействия на растущие детские организмы. Девчонки двигались в эти моменты по-особенному, а Марина прищуривала глаза, наслаждалась каждой нотой и выглядела абсолютно отрешенной.

Филатов ещё не понимал, что с ним происходит, когда смотрит на танцующую девушку; чувствовал, что слово «влюбился» вроде бы подходит, но какое-то оно немужественное, не к месту и не ко времени. Иногда он слезал с перил и шёл поближе к аппаратуре, чтобы взглянуть на пляшущие индикаторы усилителей и узнать, что ещё будут сегодня ставить. Парни с педфака из Уссурийска, приехавшие в лагерь на практику, его вообще не замечали – время от времени они уходили в кинобудку, откуда возвращались с блестящими глазами и слегка заплетающейся походкой.

Однажды оставшийся за столом вожатый увидел его и махнул рукой:

– Иди сюда!

Мальчик подошёл.

– Ты из какого отряда?

– Из пятого.

– Вон ту девчонку знаешь?

И он ткнул пальцем в толпу. Миша проследил за этим жестом и не понял, о ком его спрашивают.

– Не видишь, что ли? Слепой? – возмутился вожатый. – Вон та, с косой. Вон, танцует капец как клёво.

И он показал на Марину.

– Знаю.

– Как зовут?

– Марина.

– Отряд знаешь?

– Нет, – соврал он, ещё даже не поняв, зачем.

– А можешь узнать?

Филатов пожал плечами. Студент вздохнул и устало махнул рукой.

– Песню надо переставить. Подожди.

Он взял со стола кассету, воткнул её в другой магнитофон, который сейчас не играл, надел наушники, клацнул кнопками, послушал что-то, перемотал, опять послушал и перемотал.

– Марина, говоришь, – буркнул он, не поворачивая головы. – Узнаем сейчас, откуда.

Он включил второй кассетник, из-за чего внезапно звуки громко и неприятно наложились друг на друга, и только потом выключил первый.

– Стрёмно получилось, – вздохнул вожатый. – Охраняй. – и, указав парню на стул, выбрался из-за стола и под звуки итальянского медляка пошёл к Марине. Филатов, проводив его взглядом, увидел, как они разговаривают, наклонившись друг к другу... вот она обернулась на подруг, снова посмотрела на собеседника и кивнула, их руки переплелись на талии и плечах; он скрипнул зубами и сам удивился такой реакции.

Пока все – и Марина – танцевали медляк, Миша сидел за столом и смотрел, как крутится кассета. Иногда он поглядывал на усилитель, большую крутилку звука на нём и хотел немного добавить, потому что ему казалось, что стало немного тише. Он тогда ещё особо не задумывался о распространении звука, эхе и о том, что и как должен слышать человек, который ставит музыку – просто протянул руку и сделал немного громче. Вожатый, обнимавший Марину, обернулся – и, покачав головой, показал ему большой палец.

Этим жестом он словно дал карт-бланш. Друзья студента, давно исчезнувшие в кинобудке, возвращаться не спешили, а песня могла скоро закончиться. Мальчик поддел пальцем кассету из первого аппарата и выкинул её на стол. Она была подписана ручкой, но понять сразу, из какой она была коробочки, было нереально.

– Потом разберусь, – сказал он сам себе. – Сейчас надо что-то ставить, – подвинул поближе стопку кассет и быстро их просмотрел. Одна из них оказалась фирменной, студийной, с фотообложкой и списком песен – таких он ещё никогда не встречал.

На крышке кроме надписей Modern Talking и Let's Talk About Love была нарисована странная трёхцветная шахматная доска, на которой вместо фигур стояли шары. Филатов открыл коробочку, вынул кассету непривычно синего цвета, а потом и саму обложку, сложенную в несколько раз.

– «Чери чери лэди», – прочитал он название первой песни. – Три минуты пятьдесят одна секунда.

Взяв со стола шариковую ручку, быстро подкрутил ленту с прозрачного стартового куска на коричневый и вставил кассету в первый магнитофон. Судя по звукам из колонок, медляк доживал свою последнюю минуту.

Посмотрел на Марину. Вожатый явно её раздражал, постоянно норовя привлечь её поближе, но сказать об этом она не решалась.

– Сейчас помогу, – шепнул Миша. Он ощутил мурашки на шее и удивился этому, но его руки сейчас жили отдельной жизнью, выкручивая регулятор громкости в ноль, тыча пальцем в кнопку Play, медленно увеличивая звук на этом усилителе и, услышав в колонках нарастание первых аккордов, заглушая звучание медляка.

И когда всей веранде стало ясно, что звучит другая песня, Марина с облегчением выскользнула из объятий вожатого. Тот от неожиданности закрутил головой, потеряв девочку из поля зрения, а потом посмотрел на Филатова, аппаратуру, нахмурился и пошёл к столу.

У парня было мало времени, но он успел прочитать состав группы – Томас Андерс и Дитер Болен. По фотографии понял, что нет там никакой женщины, а поёт, скорее всего, длинноволосый парень с зачем-то подкрашенными глазами. После чего прошмыгнул к привычному месту на перилах веранды.

Дисотека тем временем наслаждалась новым хитом Modern Talking. Голос исполнителя и мелодизм песни нельзя было спутать ни с кем – и «Шери лэди» вместе с «Ёмахо-Ёмасо» прочно вошли в хиты лагеря «Звезда» на это лето.

Много лет спустя, если Миша Филатов задумывался над тем, когда он захотел стать диджеем, в памяти обязательно всплывал этот момент. Талию Марины мерзко и жадно лапают руки вожатого, а он в первый раз за свою жизнь сводит две песни на старых кассетных магнитофонах. Сводит криво, с провалом, без ритма – но именно так он освободил девушку, в которую тогда был влюблён, от неприятных ей объятий. Музыка помогла тогда сделать маленькое доброе дело – и в ответ просто обязано было прилететь что-нибудь в качестве вознаграждения.

И прилетело. Через два дня Марина во время утренней пробежки подвернула ногу – не сильно, но чувствительно. В медпункте ей наложили тугую повязку и даже свозили во Владивосток на рентген. Всё с ногой оказалось в порядке, но медсестра лагеря сказала поменьше ходить в ближайшие несколько дней, а уж о танцах речи и быть не могло.

И так уж вышло, что сидели они теперь на перилах веранды рядом. Она притоптывала здоровой ногой, а он старался не дышать, чтобы не привлекать к себе внимание, и тихо радовался такому неожиданному соседству.

– Блин, как не повезло, – хмуро сказала Марина, когда заиграла знаменитая «Ёмахо-Ёмасо». – Я бы сейчас так оторвалась...

– Ну да, – согласился Миша. – У тебя клёво получается, – добавил он и замер от собственной смелости. Он вообще не думал, что получится перекинуться с ней хоть парой слов.

– Да? – повернулась она к нему и с лёгким прищуром недоверчиво ожидала подтверждения.

– Да. Мне нравится.

– Смотришь, что ли?

– А что здесь ещё делать? – усмехнулся Филатов, хотя ему больше всего на свете хотел пожать плечами и ответить: «Вот ещё надо – смотреть на тебя».

– Смотришь – а сам сидишь и не танцуешь?

– Да я как-то... Нет, я умею. Просто музыка не такая. Только вот этот «Ёмахо-Ёмасо» ещё ничего.

– Сам ты Ёмахо, – сердито покачала она головой. – Ты в какой класс перешёл?

– В седьмой, – он был уверен в том, что она сейчас махнёт на него рукой и отвернётся.

– А я в восьмой. И по английскому у меня пятёрка. Ёмахо... Они поют «Ю май хат, ю май соул». Ты моё сердце и моя душа. Запомнил?

Филатов кивнул.

– А теперь честно скажи – танцевать умеешь? – и она пристально посмотрела ему в глаза. Он вдруг вспомнил, как, не задумываясь, ответил водителю «Нет» на вопрос, знает ли он Марину, и понял, что сейчас соврать никак не получится.

– Не пробовал.

– То есть – нет, – сделала вывод Марина. – А попробовать нет желания?

Миша замотал головой.

– Не моё это, – попытался он ответить по-взрослому, слегка скривив рот и растянув фразу. – Дрыгаться, руками-ногами махать...

– А это что? – ткнула девушка пальцем в его постукивающий по перилам веранды в такт музыке палец. – Само? Чисто случайно?

Пришлось сжать непослушные пальцы и спрятать руку за спину.

– Не случайно. У меня мама балетом занималась. По наследству, наверное.

– Ерунда это всё, – сурово произнесла Марина. – А как тебя зовут, кстати? – приподняла она брови. – Я знаю, что ты из нашего отряда, но какой-то ты незаметный, не пересекались ни разу.

– Миша, – слегка севшим голосом ответил он, и Марина из-за музыки не услышала и переспросила. – Миша!

– А меня...

– Я знаю, – перебил он. – Знаю.

Марина посмотрела на него оценивающе.

– Как я танцую, смотришь. Как зовут, знаешь. Нравлюсь?

От такого вопроса, в лоб, без всяких увёрток, хотелось незаметно упасть с перил наружу.

– Отвечать будем?

Парень понял, что не сможет издать ни звука, поэтому лишь кивнул – коротко и обречённо, словно признаваясь в ужасном преступлении.

– Тогда встань и иди. И чтобы я видела, как ты танцуешь.

Он покорно слез с перил, но в центр веранды не торопился, начав слегка притоптывать ногой и немного раскачиваться в такт.

– Туда! – ему властно указали направление. – Здесь не считается.

Он отошёл на пару шагов, и его вдруг словно что-то подстегнуло.

Он продвинулся ещё немного вперёд – и ноги сами совершили интересные ритмичные шаги, приблизив его к остальным. Вдруг вспомнил, как видел маму на праздновании Нового года – она танцевала под «На дальней станции сойду», очень красиво, мягко и в то же время активно, с поворотами, взмахами рук. Она в старших классах школы занималась балетом –

сохранились фотографии в альбоме, где она стояла в пачке и пуантах в коридоре бабушкиной квартиры, была очень музыкальной, пластичной, лёгкой, и всегда говорила:

– Ох, Мишка, подрастёшь, обязательно тебе танцевать надо. Я тебе вальс покажу, а там дальше само пойдёт. Девчонки все твои будут.

Он скромно и недоверчиво улыбался, не очень понимая связь между маминым балетом, вальсом и девчонками, но сегодня она вдруг окончательно выстроилась в голове благодаря Марине. Филатов внезапно поймал ритм, вступил в круг – и в это время после не очень интересной песни Юрия Антонова внезапно заиграл Modern Talking.

Это оказалось сильнее электрического разряда. Он повторил по памяти мамины шаги, развернулся и увидел взгляд девушки, направленный прямо на него. В её глазах отчётливо читался вопрос: «И почему ты мне наврал, что не умеешь?»

Он вдруг понял, что на него все смотрят, и сделал шаг вперёд, оказавшись не в периметре, а внутри круга. Мальчишки его никогда не переступали, предпочитая сливаться с цепью однообразно шевелящихся фигур. Филатов был первым, кто нарушил это правило.

Колонки долбили низами в непокрашенный пол веранды – а Миша делал движения, которые даже и представить не мог секунду назад, но они получались, и он был в восхищении и от музыки, и от самого себя, и когда настала пора, он не кричал всякую похожую на английский язык глупость, а пытался петь:

– Ю май хат, ю май соул!..

А Марина смотрела на него немного удивлёнными глазами и жалела, что не сможет станцевать с ним медляк. К концу второго куплета она поняла, что Филатов на неё даже не оглядывается.

3 1988 год

Ещё через два года Миша оказался в пионерском лагере «Океан», где случайно встретился с Мариной. К тому времени они были в совершенно разных весовых категориях. Она перешла в десятый класс, курила в туалете, пользовалась помадой и в целом вела себя вызывающе на дискотеках двух отрядов, своего под номером пять и шестого, в котором был Филатов.

Танцы проходили в холле пятого отряда. Крутил музыку с больших бобин вожатый Олег, очень взрослый, уса́тый и вечно всем недовольный.

Тогда по всей стране гремел «Мираж». Евродиско немного подвинуло свои позиции, проигрывая великолепной русской попсе – и Олег не был исключением, он тоже ставил «Звёзды нас ждут» и «Видео, видео». Под эти хиты девчонки прыгали чуть ли не до потолка, изображая перед Олегом неподдельное восхищение им и дискотеккой. Больше всех старалась Марина.

Она не сразу узнала Мишу, а когда вспомнила мальчишку из «Звезды», который на её глазах внезапно научился танцевать, завизжала от радости и принялась рассказывать об этом случае подругам из отряда. Всем вдруг сразу захотелось посмотреть, как он двигается, его принялись дёргать за рукава, упрасивать, он внезапно сделался центром внимания. Ему всё это было не очень приятно; пообещав показать, танцевать так и не собрался, сидел на пуфике в уголке и слушал музыку, оценивая технику у Олега. Он чётко понимал, что дискотека с бобин – это кошмар и сплошное неудобство и с кассетами было бы гораздо проще. И карандашом мотать удобно, и места занимают гораздо меньше, и переворачивать на другую сторону не в пример быстрее и легче. Но Олег был упрямым фанатом бобинных магнитофонов, поэтому на отрядных дискотеках у него не было ни одной свободной минуты – он всё время был занят поиском нужной песни в огромных коробках.

В итоге Филатов, раздражённый вниманием Марины и её окружения, пересел к вожатому и предложил свою помощь по подбору и поиску музыки.

Олег посмотрел на него недоверчиво, а потом сказал:

– В этой коробке найди Минаева. И там на свой вкус.

Он протянул Мише наушники и дал место возле второго аппарата. Филатов, не зная, кто такой Минаев, быстро проглядел упаковки, нашёл на торце одной из них надпись фломастером «Сергей Минаев. Дискотека», достал бобину, закрепил её в магнитофоне, подкрутил звук в наушниках и включил.

Ещё через несколько секунд он понял, что нашёл нового музыкального кумира. «Не смотри на меня, братец Луи, Луи, Луи...» подпевал он следом за исполнителем и едва не пропустил момент, когда Олег начал показывать ему, что пора скоро переключаться. Пришлось быстро отматы́вать назад – но он успел.

А когда им стали каждый понедельник по утрам включать во время подъёма «Тяжёлый день» на мотив *You're in the Army Now*, он окончательно проникся творчеством Минаева. По крупицам собирая информацию, от Олега узнал, что Сергей работает диск-жокеем в «Интуристе», имеет доступ к западной музыке и фирменным фонограммам без голоса, благодаря чему может эти песни переводить и петь.

Миша уже пару лет совершенно точно знал, что *You're My Heart, You're My Soul* не может означать «Ты мой хлеб, моя соль». Да и всё остальное – «Шери любит бренди», «Конец службы, иду в гастроном», «Я летом езжу только в Крым» – вряд ли являются дословными версиями песен. Вожатый лишь пожимал плечами и отмахивался от любопытного помощника. Для него вся музыка на отличном от русского языках была тайной за семью печатями. «Ла-ла-ла, на-на-

на» – это всё, что он напевал под абсолютно любую песню, и лишь слово «Москау» у «Чингисхана» не вызывало никаких сомнений.

Постепенно Олег привык к тому, что рядом с ним на дискотеке сидит этот немного странный парень из соседнего отряда. Филатов, как выяснилось, обладал отменным чувством ритма и идеально сводил песни. Прищурившись, он клал руки на крутки усилителей, иногда протягивал руку к вращающейся бобине следующей песни, слегка придерживая её для совмещения ритма – а потом начинал поднимать на ней громкость. Он помнил, как исполнил это два года назад в первый раз в «Звезде» и почувствовал, что при всех недостатках бобин возможность как-то повлиять на носитель играет тут немаловажную роль, в отличие от кассет. Олег поначалу удивлялся тому, как Миша это делает, а потом привык – получалось очень здорово, когда из-под хита «Миража» вдруг выплывал Joy.

Всем остальным было решительно пофиг на то, как творится на дискотеке музыка. Они были поглощены общением, хвастовством, пионерским пятнадцатилетним флиртом.

Марина захотела напомнить о себе – сыграло роль пушкинское «чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Его равнодушие к происходящему в холле пятого отряда, где переплетались судьбы, строились отношения и рушились надежды, почему-то сильно на неё действовало. Она помнила, как он относился к ней пару лет назад, наблюдал за её танцами и почти признался в том, что влюблён (или ей самой так казалось и хотелось в это верить). А сейчас ему вдруг было всё равно и большую часть времени он проводил в полутёмном углу под настольной лампой, где рылся в коробках и слушал что-то в наушниках, покачивая головой. Иногда он при этом сердился или разводил руками, словно слышал нечто удивительное или возмутительное. Она не заметила, как поменялась с Мишей местами – теперь Марина наблюдала за ним, изучала его и хотела с ним заговорить.

На одной из дискотек ближе к концу смены она рискнула подойти к нему. Он, как обычно, найдя интересную музыку в коробке у Олега, привычными быстрыми движениями пропустил ленту между роликами, накинул её на пустую бобину, крутанул немного, потом включил воспроизведение и надел наушники. Марина протянула руку, чтобы коснуться его плеча, но он дёрнулся под ему одному слышимый ритм, а потом принялся пританцовывать на месте. Она вдруг поняла, что того стесняющегося мальчишки из прошлого давно не существует – этот парень не боялся своего тела, он жил музыкой, жил ритмом. Она смотрела, как он едва заметно, но очень чётко перешагивает на месте – и опустила руку, не решаясь дотронуться до его плеча.

В этот момент он сделал небольшой шаг назад и едва не наступил Марине на ногу. Вздвигнув от неожиданности, резко сорвал наушники и обернулся.

– Привет! – девушка постаралась перекричать стоящую на шкафу выше их голов большую колонку, из которой звучал Челентано. – Что слушаешь?

Филатов удивлённо посмотрел на неё, ожидая увидеть за спиной кого угодно, кроме Марины.

– Хочешь? Чего рассказывать, тут слушать надо.

Она взяла протянутые наушники. Спустя мгновение Мише стало неловко оттого, что они могли быть потными, но не забирать же их обратно. Вскоре она подняла на него вопросительный взгляд.

– Ты не знаешь? – спросил он, не понимая, что она его не слышит, но Марина прочитала слова по губам и замотала головой. – Серьёзно? Это Джексон!

Она приподняла один наушник, чтобы расслышать ответ.

– Майкл Джексон! – крикнул он. – Это Billie Jean!

Марина пожала плечами и вернула наушник на место. Филатов прислушался к той песне, что играла в колонках, и понял, что скоро придёт пора её сменить. Он показал Марине жест, которым в баскетболе обозначают пробежку – прокрутил перед собой руками. Она сняла наушники и вернула их хозяину.

– Подожди, – он остановил её, видя, что она хочет уйти. – Покажу кое-что, – Миша надел наушники, быстренько отмотал песню на начало и аккуратно переложил каналы.

Кто-то в холле радостно заверещал.

– Вот видишь, – показал он туда пальцем. – Знают всё-таки.

Он зашевелил губами, подпевая, а потом замер на мгновение, подняв палец правой руки вверх, привлекая внимания Марины. Она даже немного наклонилась вперёд, уверенная, что он что-то скажет.

Но он вдруг сделал хитрые движения ногами, словно идёт вперёд – но почему-то пошёл назад. Кроссовки скользили по линолеуму таким образом, будто киноплёнку с его ходьбой перематывали в обратную сторону. Марина слегка приподняла брови – она видела такое впервые. Тем временем он после нескольких подобных шагов необычным образом крутанулся на месте и вернулся к девушке, остановившись в шаге от неё и заложив большие пальцы рук за ремень, а остальными постукивая по пряжке в такт музыке.

– Лунная походка, – объяснил он. – Андестэнд?

– Красиво, – только и смогла сказать она.

– Джексон её пять лет назад придумал, – гордо прокомментировал Миша. – Именно под эту песню. Мне запись попала с концерта. У друзей на видеке посмотрел. И получилось. Правда, не сразу, конечно. А ты чего не танцуешь? – вдруг спросил он. – Девчонки ваши в самом центре скачут.

Марина оглянулась, усмехнулась и ответила:

– Сегодня лень. Не последняя ведь дискотека, ещё будут.

– Будут, – согласился Филатов, помня, что впереди ещё около двух недель лагерной смены, не забывая слушать Джексона и на ходу соображая, что поставить дальше.

Ему никто не говорил, что относиться к дискотеке в пионерском лагере с такой серьёзностью было делом странным и по большому счёту ненужным. Никто не расстроится, если между песнями вдруг возникнут паузы или заиграет что-то, неинтересное большинству. Отплясывали подо всё – будь то Леонтьев, Scorpions, Антонов или Boney M. Но раз и навсегда выбрав в танцевальной музыке ответственность, а не разгильдяйство, он подходил к отбору репертуара очень продуманно. К концу смены у него была тетрадка в восемнадцать листов, в которой он заполнил таблицы с номерами катюшек, названиями групп и песен, их продолжительностью и условной совместимостью с другими песнями по скорости и ритму.

У Олега была большая фонотека. Он привёз её с собой на несколько месяцев, которые должен был прожить в лагере. Там было много того, что никогда и ни при каких обстоятельствах не включали на танцах – классика рока в лице Deep Purple, Led Zeppelin, Pink Floyd, Nazareth и ещё несколько малоизвестных для Филатова групп. Благодаря водителю он мог свободно прийти в чужой отряд и послушать всё даже в отсутствие хозяина. Олег понял, что в помощники ему попался точно такой же меломан, как он сам, после чего стал доверять ему ключи от комнаты, где хранилась аппаратура. В этой маленькой кладовой без окон он впервые услышал рок-оперу «Иисус Христос – суперзвезда», и самые знаменитые альбомы Deep Purple, и тот самый Smoke on the Water, который, как рассказывал ему Эдик, играется на открытых струнах. Рок понравился ему, но не покорило; он по-прежнему оставался предан той музыке, под которую можно было танцевать самому, а лучше – заставить танцевать других.

Составлять музыкальную программу на вечер стало для него своеобразным вызовом. Он спорил сам с собой, обсуждая найденные в недрах запасов Олега хиты. Спорил, что сможет заставить танцевать под них, придумывал им свои специфические названия. Например, «Будильник» мог поднять с диванных пуфиков хоть хромого, хоть мёртвого, даже если люди спали и были, как говорил Олег, «не разогреты». К «будильникам» относилось почти всё творчество Modern Talking и «Миража». Остальное было из категории «Прицеп» – песня похуже, менее знаменитая, но «прицепленная» к «будильнику», она не отпускала никого обратно

на диваны. Не вошедшее в эти две основные категории чаще всего Мишей отвергалось – если только это не были медляки или рок-н-роллы.

Из последней категории Филатов время от времени включал «Браво» с «Жёлтыми ботинками» или «Ленинградским рок-н-роллом». А уж «Именины у Кристины» всегда шли на ура, потому что в пятом отряде очень удачно оказалась Кристина Ващенко из Хабаровска, которая под эту песню «Секрета» только по потолку не ходила, хотя именины у неё должны были слушаться через четыре месяца.

Что касается медляков – то это, безусловно, был совершенно отдельный жанр музыки. Лучше всего, если это была рок-баллада – и здесь безраздельно властвовали «Скорпы». У Олега были почти все альбомы с момента образования группы, и поэтому на дискотеках каждый раз звучали такие вещи, как In Trance, Always Somewhere, Still Loving You (которую все называли по первому слову просто Time) и – если сильно попросят, чтобы подольше пообщаться с девчонкой – почти восьмиминутная (но от этого не менее красивая) Born to Touch Your Feelings. Сам Олег, как выяснилось, предпочитал не баллады «Скорпов», а Soldier of Fortune, которая была для него возможностью вспомнить армейское прошлое, каптёрку и песни под гитару. Когда звучал «Солдат удачи», почти никто не танцевал, но все отдавали должное хозяину фонотеки и не возмущались – благо, что и сама песня, в общем-то, была отличная, хоть и несколько тоскливая (и, что не менее важно – короткая).

Миша вдруг заметил, что Марина не уходит, а продолжает стоять рядом, немного наклонив голову и слегка прикусив губу. Она смотрела словно сквозь него – по крайней мере, в полумраке холла именно так и казалось, – но у Филатова запекло даже в затылке, настолько пронзительным был этот взгляд.

Конечно, в пятнадцать лет гамма чувств, возникающих к девчонкам, несколько расширилась. Ему не только нравилось наблюдать, как они танцуют. Хотелось флиртовать с ними, быть интересным, вызывать любопытство и восхищение, быть загадочным, непонятым, притягательным. Он чувствовал, что и к музыке его неспроста потянуло. Через близость к этим катушкам, усилителям, лампочкам, голосам, звучащим из колонок, он становился чуть более нужным, чем остальные в этом холле, чуть более важным и необходимым. У него словно был ключ зажигания ко всем сразу, который он время от времени поворачивал, запуская всех по новой. Даже если они уже выдохались.

Когда начинала звучать новая песня, которая придавала сил усталым ногам танцующих, почти всегда раздавался одобрителный крик или даже визг. Вверх поднимались руки, Миша улыбался в ответ одними лишь уголками губ – было в этом какое-то волшебство. Он спускал наушники на шею, смотрел на волнующееся море голов, освещённых из углов холла мигающими разноцветными лампами, и примерно минуту, прикрыв глаза, слушал ритм и притоптывал ногой.

Он поймал себя на мысли, что взгляд Марины остановил его ногу. Он замер и даже стал реже дышать и моргать. А потом решение пришло само.

– Подожди, – сказал он Марине и зашёл в кладовку.

– Выручите, Олег Викторович, – обратился он к водителю. Тот отвлекся от книги, снял наушники, которые не были никуда подключены и вопросительно посмотрел на помощника. – Я приготовлю всё и поставлю «Скорпов», а вы после них «Маленького принца» воткните, сегодня ещё не было.

– А сам чего? – Олег казался немного недовольным, но при этом готовым выручить напарника. За последние три или четыре дискотеки он уже привык, что можно с чистой совестью отдохнуть с книжкой, если дополнительно надеть наушники, чтобы гул не так мешал читать.

– Ну... Там... – замялся он, а потом понял, что жогаый всё равно всё увидит, выйдя в зал. – Потанцевать. Надо.

Олег удивился этому «надо», засмеялся и указал рукой на дверь.

– Иди ставь. Я выйду. Сколько по времени? – спросил он, зная, что Миша помнит все хиты по хронометражу.

– Четыре пятьдесят пять, – не задумываясь, ответил тот. Олег Викторович был очень внимательным к деталям и переписывал на коробку с винилов, которые ему давали, всю техническую информацию аккуратными печатными буквами.

– То есть время есть.

Олег отложил книгу, закурил, выдыхая дым в вытяжку у потолка, и махнул Филатову рукой. Парень кивнул и выскочил обратно в холл, боясь, что не застанет Марину на прежнем месте. Она стояла там же, где он её оставил, даже не сменив позу.

– Потанцуем? – спросил он, хотя нетрудно было догадаться, что девушка здесь именно ради этого. Миша почувствовал сильное волнение и ринулся к коробкам в поисках катушки с альбомом Lovedrive. Руки немного подводили его, когда он устанавливал её в магнитофон. Он постоянно оглядывался на Марину, которая не спускала с него глаз, и кивал ей, показывая, что вот сейчас, вот уже скоро. Когда он начал отмаывать на нужную песню, то порадовался, что она всего лишь третья по счёту в альбоме – катушка вертелась, коричневый кружок плёнки быстро рос.

Он нашёл песню, когда уже проклял всех изобретателей бобин и этих громоздких конструкций от Sony, с тоской вспоминая маленькие кассеты и даже винил, на котором найти композицию не составляло труда. Включил воспроизведение в самый последний момент, когда должна была возникнуть обидная и ненужная пауза – и чистейшая гитарная мелодия зазвучала в холле. Через несколько аккордов её догнал ударник, а следом и соло-гитара.

Мишу тронули за рукав. Он обернулся, увидел Марину и понял, что завис возле магнитофона под балладу «Скорпов». Она потянула его за собой, пара вышла на центр и обнялась, как они сами это называли, «на пионерской дистанции». Его руки у неё на талии, её – у него на плечах.

Он чувствовал себя совершенно деревянным, будто Буратино. С девчонками он танцевал редко, было это всегда очень однообразно, муторно и напоминало топтание на корабле в умеренную качку. Вот и сейчас ощущения были не лучшими. Она словно поняла, как он нервничает, и притянула его, чуть сократив дистанцию. Это не прибавило ему уверенности, а лишь заставило переживать ещё больше.

– Клёво танцуешь, – внезапно похвалила его Марина. – Я видела несколько дней назад, когда вы с Олегом тут что-то с колонками делали...

– Теперь ты смотришь, как я танцую? – усмехнулся он дерзко, чтобы придать себе смелости и напоминая ей о том, как было дело в «Звезде». Он вспомнил, что в начале недели Олег попросил его помочь с проводами – ему захотелось немного изменить расположение колонок, а в одиночку сделать это было хоть и возможно, но затруднительно. Когда они выполнили техническую часть, жогаый включил новый альбом С.С.Catch, который ему привёз друг из Владивостока, и Миша не удержался и немного потанцевал перед колонками. Откуда ж было знать, что Марина смотрит за ним через приоткрытую дверь своей комнаты?

– Слушай, а Олег где учится? – спросила она. – Во Владивостоке?

– Вроде да, – ответил парень, наклонившись к её уху. – Практика педагогическая на всю весну и лето. У него и ещё у кучи жогаых.

– Понятно. Они вместе собираются здесь? По вечерам или ещё как? Просто он всё время один. Никто в гости не приходит?

Филатов задумался. Он действительно видел Олега с однокурсниками очень редко. Наверное, так было потому, что он был на пару лет старше, отслужив в армии, и общался далеко не со всеми.

– Да вроде никто. Так, пару раз кто-то заходил...

– Девушки?

– Нет.

– А ты не знаешь, у него есть кто-нибудь?

– В смысле?

– Ну... Типа невеста, – уточнила Марина, в упор смотря на Мишу.

– А тебе зачем?

– Ты дурак? – она распрямила руки, но не убрала их с его плеч. – Надо мне. Знать хочу.

– Ты со мной поэтому танцевать пошла? – он остановился, что выглядело странно. Они перестали попадать в общий раскачивающийся ритм, одна из обнимающихся пар задела их. – Чтобы узнать про Олега Викторовича?

– Викторовича, – передразнила его Марина отвратительным хрипящим голосом. – Просто Олега. Какой он ещё мне Викторович.

И она подмигнула ему и снова спросила:

– Так есть или нет?

– Вроде нет, – еле слышно ответил он, но Марина поняла.

– Вот и прекрасно, – она вновь приблизила партнёра к себе и силой заставила его шевелиться. Они продолжили танцевать, но Миша делал это без прежнего энтузиазма.

Оглянувшись, он увидел, как вожатый заряжает катушку с «Миражом». Филатов обречённо старался удерживать свои руки на джинсовой талии Марины, но всё, что ему хотелось сейчас – это бросить её к чёртовой матери и уйти. Чтобы она стояла посреди холла, удивлённо подняв брови, и хоть на полсекунды почувствовала, каково это – быть ненужным.

Когда Олег переключил песни, Миша с явным облегчением отошёл и быстро отвернулся от девушки, чтобы она не увидела закушенную от обиды губу. Вернувшись к магнитофонам, он не обратил внимания на вопрос вожатого, сел на пуфик в углу и пропустил ещё пару песен. Олег больше ничего не спрашивал у напарника, потому что к нему подошла Марина и они заговорили. Хотя музыка заставляла их повышать голос, Филатов не слышал почти ничего. Просто набор звуков, которые никак не складывались в слова.

Внезапно он понял, что прислушиваться к их милой беседе ещё более отвратительно, чем тихо ненавидеть Марину. Тогда он встал, демонстративно взял у Олега наушники и показал, что готов работать дальше. Вожатый молча кивнул и кивнул Марине на свою кладовку. Они ушли туда, а Миша ненадолго задумался, что включить. Когда из неплотно прикрытой двери потянуло сигаретным дымом, он уже ставил С.С.Catch.

Под звуки We Are Living in a Heartbreak Hotel, которая своим текстом прямо указывала на дверь кладовки, он понял, что по-настоящему его никогда не предаст только музыка.

Следом он поставил Сергея Минаева, «Я слышу твой голос». И сразу стало немного легче.

4 1989 год

Вернувшись из «Океана» домой, он попытался продолжить своё увлечение танцевальной музыкой, но их кассетный магнитофон, купленный ещё лет восемь назад, собрался помирать. Вырубленная топором из куска дерева и пластмассы прибалтийская машинка VILMA—302 STEREO с крышкой из белого металла, огромными кнопками и четырьмя ручками, которыми можно было чуть-чуть добавить частот, выстреливала кассету так, что та улетала на пол, если вовремя не остановить её рукой.

Звук у магнитофона последние пару лет был отвратительный. Большую часть времени он проводил без верхней крышки, потому что Миша подкручивал головку отвёрточкой от швейной машины и время от времени менял пасики, которые делал из резинок – или маминых для волос, или вырезая их из медицинских перчаток. Резинки для волос выигрывали. Они были плоскими и лучше держались на шкивах, но мама их не всегда давала, потому что стратегические запасы порой внезапно заканчивались. Тогда Филатов с тоской смотрел на вращающийся моторчик, от которого не было никакого толку.

Своих кассет у него было мало – всего семь. АВВА, две – Пугачёвой, «Песняры», альбом Малежика «Кафе «Саквояж», на котором он очень любил «Мозаику», «Чингисхан» со своими знаменитыми «Москау», «Самурай» и прочими необычными хитами. Эту кассету мама почему-то долго звала запрещённой, хотя он был уверен, что ничего там такого не было. Но учителя в школе говорили, что в песне «Москау» поётся, как нашу столицу хотели закидать бомбами, чтобы помешать пройти Олимпиаде—80.

Последней была кассета «Песняров», но когда-то давно, по ошибке нажав не те кнопки, мама поверх их песен записала, как сын читает в четыре годика стихотворение про дядю Стёпу. Теперь на кассете были выломаны предохранители от перезаписи, а на наклейке шариковой рукой было написано «Миша Дядя Стёпа 4 года» и сделан примерный штрих на линейке, до какого места надо домотать, чтобы точно найти его детский голосок.

На тот момент (впрочем, как и всегда) с учёбой у парня проблем не было, и его увлечённые ежедневные рассказы о том, как работают диск-жокеи, подтолкнули маму на подвиг. Она сняла со сберкнижки изрядную по тем временам сумму и купила ему музыкальный комбайн «Вега—119».

Сын был в шоке от того, что стал обладателем этой серебристой «музыкальной шкапулки». Под прозрачной пластиковой крышкой располагался отличный виниловый проигрыватель и спаренный с ним для параллельной записи кассетный магнитофон с мягкими кнопками.

Комбайн был тяжёлым, массивным. Опорный диск под пластинки с мягким съёмным покрытием имел очень интересную дополнительную штуку – стробоскоп для точной подстройки вращения. По торцу диск был размечен черными широкими штрихами в два ряда – один на тридцать три оборота, второй на сорок пять. Сбоку – крутилка, которую надо было пускать в ход, если квадратики во время вращения пластинки не стояли неподвижно, а медленно плыли в какую-нибудь сторону. Пока аппарат был исправен, такая настройка вообще не требовалась, но Филатов всё равно ею пользовался, создавая эффекты из правильного звучания. То ускорял, то замедлял песни, чтобы получить заметную разницу. Правда, это ему быстро надоело, потому что было жалко и пластинки, и иглу.

К тому времени пластинок у него накопилось много, но они почти все были с детскими песенками и сказками. Музыки было ненамного больше, чем кассет. Больше всего ему нравился винил Сандры (естественно, с «Марией Магдалиной») и «Арабесок», где на обложке пакета тоже была Сандра с ещё парой не менее красивых молодых певиц. С этого диска самыми

любимыми были In For a Penny, In For a Pound и совершенно офигительный Zanzibar, однажды услышав который, он вдруг вспомнил про гитару.

Он достал её из-за шкафа, вынул из пыльного пакета, включил песню и принялся изображать музыканта – так, как это делают, наверное, все дети в определённом возрасте. Он представлял, как играет, а рядом с ним танцуют и поют Сандра и ещё две обалденные девушки в чёрно-белых кожаных костюмах и сетчатых перчатках. Миша успел прослушать запись в таком образе ещё два раза, пока по батарее не стали стучать соседи – любовь к поднятию всех частот и громкой музыке дала о себе знать очень быстро.

Гитару после этого он убрал за шкаф. На этот раз – навсегда. Понял, что с невидимым инструментом это делать гораздо проще. Соседи, конечно же, настучали маме. Ему сделали внушение, он пожал плечами, вздохнул и пообещал щадить чужие уши.

Постепенно его коллекция пополнялась пластинками. Цена на продукцию Апрелевки кусалась – маминой зарплаты хватало лишь на две, максимум три пластинки в месяц, да и сам магазин «Мелодия» не всегда мог порадовать школьника старших классов чем-то интересным.

Его музыкальный вкус дал крен в сторону русского рока благодаря мальчику по имени Слава, пришедшему в класс из далёкого военного городка в Сибири. Слава сразу дал понять, что любит тяжёлую музыку и готов приобщать к ней любого, кто захочет. Так Миша услышал что-то немножко из «Кино», что-то из «Наутилуса Помпилиуса», потом ещё Ассерт, «ДДТ», «Алису», «Машину времени» и много чего другого.

Нельзя сказать, что он вообще не слышал о таких группах – тот же Виктор Цой звучал в городе на каждом углу, если в этом углу был какой-нибудь пэтэушник с гитарой. «Группа крови» – очень известная песня. Или, например, «Я хочу быть с тобой» – сильно цепляло. Бутусов, закованный с ног до головы в фантастические одежды, с эполетами и галифе, так впечатлил, что он купил пластинку «Князь тишины» и слушал её практически каждый день, представляя себя на месте фронтмена группы.

Слава удачно влился в новый класс и объединил любителей музыки – они собирались у него дома, чему родители особо не препятствовали. Было похоже, что они к такому давно привыкли. А когда его мама оказалась их новой учительницей по биологии, то вообще все границы были стёрты – она была очень компанейской, гостеприимной и любила музыку не меньше сына.

Чем-то удивить Славу в отношении рок-музыки было очень проблематично. У него, как тогда казалось Филатову, было всё. И Metallica, и Helloween, и Ассерт, и Scorpions – и при этом полными дискографиями. Как выяснилось, несколько последних лет его отец, начальник штаба у каких-то очень крутых лётчиков, служил в группе советских войск в Германии, где Слава и насобирали свою фонотеку. Практически все кассеты были фирменными, с красивыми фотографиями и подробной информацией о песнях.

Миша с изрядной долей зависти разглядывал всё это богатство, не решаясь попросить послушать. Насчёт перезаписать он даже не заикался – кассеты стоили по девять рублей, мама могла предложить ему такие деньжищи только по большим праздникам. Но Слава оказался отнюдь не жадным – он с удовольствием сам предлагал одноклассникам взять некоторые записи домой, чтобы получше проникнуться немецким или американским металлом.

Классная руководительница быстро уловила это увлечение своих учеников и даже решила устроить небольшое тематическое собрание на тему «Что такое рок-музыка и зачем она нужна?», которое должен был провести Слава – с примерами, аргументами и на понятном всем языке. Девчонки, которые не особо ценили такую музыку, накидали ему кучу вопросов. Все они были на одну тему: «Да нафига это нужно, если нам нравится танцевать?» Всё иное, подо что нельзя было этим заниматься, они не хотели слушать ни под каким соусом.

Слава принёс свой японский двухкассетник, который отец подарил ему ещё в Германии, выложил на учительский стол несколько кассет и по очереди их включал. Представляя «Метал-

лику», он взывал к её энергетике; на примере Ассерт показывал, как можно красиво преподнести классическую музыку в обработке на электрогитаре. Девочки стоически это всё выслушали, поулыбались вместе с классной руководительницей, но фанатками рок-музыки не стали.

Филатов, который, естественно, был на стороне Славы, на самом деле тоже тогда не во всём был с ним согласен. Дребезжаще-хриплый голос Удо Диркшнайдера и дикая долбёжка Джеймса Хэтфилда производили на него двойственное впечатление. С одной стороны, это надо было слушать, чтобы быть не похожим на других, а с другой – уже через пару песен он начинал хотеть чего-то более ритмичного и напевного. Пожалуй, только лишь «Ария» с её альбомом «Герой асфальта» давала ему слабые намёки на то, что он в будущем сможет полюбить тяжёлый рок. Невидимая гитара, при помощи которой он изображал «героя», появлялась на свете гораздо чаще, чем во всех других случаях.

– «Ты сам решил пойти на риск, никто не крикнул: „Берегись!“ и ты покрасил свой шлем в чёрный цвет!» – открывал он как рыба немой рот в пустой квартире, раскачиваясь в ритм и ударяя рукой по невидимым струнам.

Он записал этот альбом поверх одной из плёнок с Пугачёвой, чем на некоторое время расстроил маму, но вдруг заметил, что ей тоже нравятся эти быстрые «тяжёлые» песни. Она приходила в комнату и слушала их вместе с сыном, и даже подпевала. Миша увидел это по её губам и был страшно горд тем, что ей нравится такая музыка.

Если бы он был тогда немного прозорливее, то понял бы, что маму тяжёлый рок интересовал с позиции «Это вообще что и зачем?» Она хотела знать, чем увлечён её ребёнок, а потому пробовала на вкус всё, что звучало из колонок «Веги». Да, местами «Ария» была ей симпатична, но, в конце концов, она просила поставить что-нибудь и для неё. Он выбирал пластинку «Землян» и включал ей «Улыбнитесь, каскадёры!», а затем «Снег кружится» (кассету ВИА «Пламя» мама запретила ему перезаписывать). Она откидывалась на диване, прикрывала глаза и тихонечко подпевала:

– Такого снегопада, такого снегопада давно не помнят здешние места...

Но к тому времени по всей стране уже гремел неумелыми детскими голосами «Ласковый май», с которым бороться не могли ни Слава с его тяжёлым металлом, ни Бутусов с Цоем. Потому что это была совершенно иная, чертовски примитивная музыка, которая попала своими аккордами тысячам школьников и школьниц по всей стране в самое сердце. Девчонки просили друг у друга кассеты, без конца напевали «Белые розы» и «Седую ночь», бредили Юрой Шатуновым и вообще всей это детдомовской музыкой. Мальчишек жалели, ими восхищались, в них влюблялись, везде искали их фотографии, ждали клипы на кабельном телевидении.

Филатов почему-то остался равнодушен к «Ласковому маю». Знал он только две песни – знаменитые «Белые розы» и «Седую ночь», которую слышала даже его мама.

– Представляешь, мальчишка младше тебя поёт про седую ночь, которой он доверяет, – говорила она ему на кухне за ужином. – Ему лет от силы пятнадцать, а то и меньше – а он о таких вещах разглагольствует. Кошмар какой-то. Твоя «Ария» и то приличнее будет.

Миша пожимал плечами и согласно кивал. Ему было почти шестнадцать, он успел влюбиться в одноклассницу и поэтому прекрасно понимал, о чём поёт Шатунов.

С приходом «Ласкового мая» оживилась тема школьных дискотек, которая была совсем не востребована несколько лет. То ли директор была против из-за постоянных драк на таких мероприятиях, то ли не было среди учеников группы активистов, которая могла предложить что-то подобное и взять на себя ответственность. Кружок танцевальный был – а дискотеки не было.

Но вот именно «Белые розы» и выход следом за ним второго альбома «Миража» – всё это вместе сильно качнуло школьную лодку в сторону дискотек хотя бы раз в месяц.

Инициатором неожиданно для всех стал Слава. Он хотел получить доступ к аппаратуре, заработать хорошую репутацию и потом попробовать организовать рок-группу (о последнем он

не распространялся заранее). Классная донесла предложение до директора, та посоветовалась со своими замами и педагогами (в том числе и тет-а-тет с мамой Славы), оценила все риски – и дала добро.

Миша вошёл в число приближённых к Славе пацанов, чьей обязанностью стало подготовить зал столовой к дискотеке. Вшестером они раздвигали к стенам столы и огромные лавочки, освобождая пространство. Уже через десять минут у них болели руки и спины, потому что вся кухонная мебель была сделана из очень тяжёлого дерева.

Слава тем временем под контролем военрука принёс из спецхранилища в подвале две кассетных деки, а потом спустился за усилителями. На шее у него всё это время были надеты огромные наушники, провод от которых он скрутил и сунул в карман брюк. Усилители оказались потяжелее, и военрук помог ему с одним.

Филатов, двигая очередную лавочку, которая казалась ему чугуновой, с завистью смотрел на сцену (столовая совмещала ещё и функции актового зала, в ней был даже занавес). Ему очень хотелось быть более значимой частью процесса, сидеть рядом со Славой и разглядывать кассеты, которые он принёс из дома вместе с удлинителями.

Откуда у него оказалось столько танцевальной музыки, к которой Слава относился крайне высокомерно и насмешливо, он им не говорил. Но по коробочкам Миша и остальные ребята поняли, что родина всех кассет – Германия. Парень перед переездом на родину запасся там музыкой на любой вкус.

Постепенно зал превратился в танцплощадку. В нём стало больше эха, пацаны ходили и ухали, как совы, в углах столовой, удивляясь тому, как преобразился звук. Никто из них тогда особо не задумывался, что эхо – первый враг дискотек. Им всё было интересно, они ждали, когда Слава включит хоть что-нибудь, чтобы послушать, каково это – лупить громкой музыкой в школе, где никогда нельзя было шуметь.

Музыка не заставила ждать. Для проверки звука Слава поставил свою любимую «Металлику». Где-то что-то сразу засвистело, зазвенело, в одном углу слышался только голос, в другом – только гул барабанов, мальчишки пожимали плечами и жестом показывали, что происходит какая-то фигня.

Слава встал по центру напротив сцены, глубокомысленно сложив руки на груди и нахмурив брови. «Металлика» сегодня была явно не от слова «металл». Её звук метался по залу и никак не мог превратиться во что-то понятное и близкое ушам и сердцу. Военрук, примерявший в дверях столовой повязку со словом «Дежурный», с недоверием посмотрел на мальчишку, который переводил взгляд с одной колонки на другую, шевелил губами, делал непонятные жесты руками, оборачивался на зал, а потом всё-таки пошёл к магнитофонам и выключил их.

– Шторы, – крикнул он в зал. – Толстые шторы. Бархат. Тут звук гаснет. А там, – он показал на противоположную стену, – всё отражается, гуляет. Накладывается, короче, – произнёс он напоследок, напустив туману.

Мальчишки, подойдя к сцене, покачали головой, соглашаясь, потому что другого объяснения у них всё равно не было.

– И что делать? – спросил Филатов.

– Фиг знает, – сунув руки в карманы, Слава задумался. – Может, просто потише. А может, шторы надо открыть.

Открыли. Зазвучало немного лучше. Но стало понятно, что превратить столовую в городскую дискотеку не получится – ну и пусть будет, как есть. Военрук подошёл и уточнил:

– А вот это... То, что сейчас играло? Такое на дискотеке будет?

– Нет, конечно, – возмутился Слава. – Такой серьёзной музыки там не может быть. Так, попса голимая, – со знанием дела чуть ли не подмигнул он учителю. Военрук поправил повязку,

которая постоянно норовила сползти, понимающе кивнул и отошёл, пробуя на вкус последние слова: «Попса голимая...»

Он был подполковником, ушедшим в запас с должности заместителя командира полка. Для него существовала музыка двух видов – строевая и плохая. И строевую он здесь услышать не надеялся.

– Давай что-нибудь для дискотеки, – попросили Славу пацаны, обступив его стол с деками и кассетами.

– Гансу слышали? – спросил он.

– Нет, – вразнойбой ответили ему, пожимая плечами, мальчишки.

– Ну тогда вэлкам, – Слава взял кассету и вставил её в магнитофон. И Филатов впервые услышал *Flames of Love*...

Пришли все старшие классы, начиная с девятого. Остальным была обещана детская дискотека в следующие выходные (Славу, как общественного деятеля, учителя хотели удивить этой новостью чуть позже, чтобы не соскочил).

Полный зал девчонок в центре и пацанов по стенкам – типичная картина для школьного вечера в конце восьмидесятых. На дверях – директор и завуч с такими же повязками, как у военрука, патрулировавшего другие входы, через которые в школу могли попасть нежелательные элементы, падкие до красивых школьниц и кровавых драк. Входов таких было чуть больше, чем мог охватить своим вниманием бывший подполковник, поэтому проникновение всё равно состоялось.

Но для Миши это прошло незаметно. Он весь вечер провёл рядом со Славой, глядя на вращающиеся кассеты, мигающие лампочки индикаторов и море голов в зимних шапках-формовках, мода снимать которые так никогда и не наступила.

Вместо того чтобы идти в зал танцевать, его внезапно накрыл «синдром попутчика», но он тогда ещё не знал этого названия. Оказалось, что в пионерском лагере рядом с чужими людьми он раскрывался легче и полнее, чем в родной школе рядом с теми, с кем учился девятый год. Было не по себе от мысли, что он пойдёт сейчас в зал и будет танцевать так, как умеет (а никто этого в школе никогда не видел). Казалось, что проще и надёжнее сидеть здесь, в полумраке, при свете старой настольной лампы, которая выхватывала только их со Славой носы и руки, смотреть на колышущуюся стрелку индикатора усилителя и не давать ей упасть в красный сектор перегрузки.

Этот уголок диск-жокея обладал для Филатов магической силой. Люди, танцующие на бетонном полу столовой, вообще не представляли, что происходит в углу сцены, где на широком подоконнике возле стола с магнитофонами была навалена куча верхней одежды. Пацаны, приготовив зал, не стали спускаться в раздевалку, а бросили свою одежду здесь. Шапки, шарфы, варежки, «Аляски» – всё было перемешано, словно в миксере. Можно было лечь на эту кучу сверху и подремать под монотонный грохот колонок.

Миша аккуратно повесил на спинку второго стула рядом со Славой свою зимнюю куртку (мама была бы не в восторге, зацепи он ей какой-нибудь гвоздь в полу сцены), отклонился назад, нашёл в ней карманы, сунул туда руки и раскачивался на стуле, иногда давая советы напарнику, который был полностью поглощён процессом, но даже при наличии чувства ритма и умения играть на гитаре включал порой друг за другом совершенно несовместимые песни. Филатов чувствовал его промахи очень точно, а недовольный ропот танцующих девчонок подтверждал его мнение.

Он навсегда запомнил это ощущение – когда зал возмущен темнотой в углу сцены, где в размытом пятне света угадывается лицо того, кто ставит музыку. Общій шумный выдох, а иногда и свист, и крики – были как обвинительный приговор. Хотелось срочно всё исправить, убрать ту песню, что с ходу не понравилась всем, и найти другую, чтобы вверх взлетели десятки рук и ты услышал одобрительное: «Красава, давай, чувак!»

Слава пару раз сделал так, поменяв песню после первого куплета. Когда это случилось в очередной раз, Миша наклонился к нему и шепнул:

– Их здесь человек двести. Под каждого не подстроишься. Если каждый хотя бы раз свистнет, а ты будешь вестись – у тебя кассет не хватит.

Слава посмотрел на него, вздохнул и согласно кивнул. Филатов откинулся обратно на стуле и сам поразился тому, что он сейчас сказал. То, что работа диск-жокея не должна выглядеть как нервные попытки угодить всем и каждому, он понял ещё в школе. Любая композиция – даже та, что разогнала сотню человек с танцплощадки к стенам – не должна обрываться внезапно, словно ты чувствуешь себя виноватым. Аккуратно подбери что-то более интересное, подготовься, включи. С первыми хитовыми аккордами тебе простят все предыдущие ошибки...

На этой дискотеке он впервые заметил, что существуют девчонки, которые танцуют перед сценой и смотрят на диск-жокея. Двигаются крайне однообразно и в ожидании, что их заметят. А вот если заметил и махнул рукой – тут всё и начинается. Тебе покажут фигуру в «ангорке», ноги, обтянутые джинсами, мамины зимние сапоги на каблуках. И ты даже в полумраке увидишь, сколько там на лице косметики с блёстками. Он имел неосторожность приветливо поднять ладонь одной такой, из соседнего класса – и она, продемонстрировав, будто в фигурном катании, всю обязательную программу, решила исполнить и произвольную, пытаясь подняться к нему.

Слава коротко посмотрел на неё и сказал Мише:

– Вот бабы тут сейчас нафиг не нужны.

Спасло их то, что девочка была не очень трезва. Невидимая сила несколько раз оттащила её от сцены, не давая взобраться. Лестницу рядом она не замечала. Наконец она смирилась с этим и перешла к показательным выступлениям, но парень на неё старался больше не смотреть.

Слава тем временем прошёлся по Modern Talking, C.C.Catch, в зале прозвучали и Joy, и Sandra, и «Мираж», и Fancy, и ещё много исполнителей, о которых Миша не имел до сегодняшнего вечера ни малейшего представления. ABBA и Boney M он знал плохо, а потому даже не представлял, кто в эти минуты поёт, но зал реагировал восторженно. Кто-то подкидывал вверх шапки, где-то визжали девчонки. Судя по запаху, умудрялись даже курить втихушку за шторами. В целом ничего непредсказуемого не происходило.

Ровно до тех пор, пока на плечо Филатова не опустилась чья-то рука и не дыкнули перегаром из-за спины:

– Пацаны, а чо, Шатунова не будет? А потом медлячок бы какой, у вас тут есть кого позажимать.

Следом он услышал дрянной смешок, обладатель которого этим дребезжащим звуком хотел оправдать просьбу и показать, что все тут типа друзья и понимают, что почём.

Миша оглянулся и увидел перед собой лицо Глобуса – пацана, который ушёл из школы после восьмого класса в «фазанку». Все учителя без исключения вздохнули с радостью и наверняка выпили по бокалу шампанского, избавившись от него. Отличался парень наглостью, смелостью, любовью к дракам и другим проявлением физической силы. Также предпочитал воровать то, что плохо лежит и пить всё, что горит.

Филатов не сомневался, что в кармане у Глобуса спрятан нож. Он хотел сказать, что уже скоро собираются поставить «Белые розы», но вдруг понял, что их нет. Слава принадлежал к секте отрицателей Шатунова и включать его и не думал, о чём и поставил в известность хулигана, про которого раньше даже и не слышал.

– Не понял, – Пацан убрал руку с плеча Миши и зашёл к ним сбоку, наклонившись и заглядывая диск-жокею в глаза снизу вверх, словно жалобно прося. – Как так получается, что я хочу, а ты против?

– Так и получается, – буркнул Слава, начиная понемногу соображать, что одним разговором тут вряд ли обойдётся. – У меня программа, я её с директором согласовал.

«Правда?», – хотел спросить удивлённый Филатов, который впервые услышал о программе, но Слава толкнул его под столом коленкой, и Миша согласно закивал головой, хотя меньше всего ему хотелось продолжать участие в этой беседе.

– Да мне твой директор до ноги, – Глобус сменил интонацию на максимально жёсткую. Тени от лампы ложились на большую стриженую голову, из-за которой ему и дали прозвище, закрывая пол-лица, глаза блестели от злости и алкоголя, а правая рука зачем-то скрылась в кармане потёртых джинсов.

Филатов тревожно обернулся на входные двери, у которых стояли директриса и завуч. Они разговаривали между собой и не смотрели в зал. Похоже, обстановка беспокойства у них не вызывала. Военрук в недрах школы охранял другие двери. Судя по тому, что им в лица сейчас дышал перегаром бывший ученик – охранял так себе, на троечку с минусом.

– Даже если бы я хотел – у меня всё равно «Ласкового мая» нет, – развёл руками Слава. – Мы его не брали с собой.

Слово «мы» взволновало Мишу. Ему очень хотелось выпасть из разговора, но напарник не давал этого сделать.

– Так я тебе помогу, – выпрямился Глобус; роста это ему почти не добавило. – Крапаль! – позвал он.

Из темноты появилась ещё одна мальчишеская фигура. Крапаль был примерно одного возраста с другом, Филатов его тоже знал в лицо, но никогда не сталкивался в школьном дворе или на улицах квартала – да и слава богу. Местом обитания подобных типов служила старая заброшенная котельная неподалёку. Там они торчали целыми днями, курили, выпивали, что-то жгли, дрались, забирались под самую крышу и стреляли из рогаток по голубям, кидали ножи, играли в карты. В общем, жили насыщенной и крайне бесполезной жизнью. Педагоги старались лишний раз предостеречь своих учеников от посещения котельной, упоминая жуткие смерти от наркотиков, ножей и палёного алкоголя. Именно поэтому для таких, как Миша, каждая встреча с этими хулиганами была настоящим испытанием.

– Чо? – спросил Крапаль. Он подошёл поближе и сунул свою голову между Глобусом и Славой, словно собирался стать между ними посредником в разговоре.

– У тебя кассета с собой?

– А то.

Он вытащил из кармана куртки МК-60 без коробочки с аккуратной надписью «Ласковый май. 1-й альбом». Почерк был очень похож на девчачий.

– Чо смотришь? – спросил Крапаль Филатова. – Моя кассета. Теперь моя. А была – дуры одной из сорок второго дома. Вот нахрена она зимой с мафоном выперлась на улицу?

– Мафон мы ей оставили, – поднял палец вверх Глобус. – Мы ж православные.

Откуда ему в пятнадцать лет пришёл в голову такой аргумент, представить было невозможно, да и вряд ли он хорошо понимал смысл сказанного им слова.

Диск-жокей молча взял протянутую ему кассету.

– Русская? – спросил он так, словно она была измазана в солидоле. – Не, у меня деки «Денон», я такую фигню в них ставить не буду. Потом всё заскрипит, головка посыплется.

Миша не смог скрыть свой разочарованный вздох. Конфликт мог сейчас закончиться, но Слава решил его продолжить.

Он отвернулся от незваных гостей, отложил подальше ворованную МК-60, взял кассету с Bad Boys Blue и недолго думая включил самую востребованную у этой группы песню You're A Woman. Глобус внимательно проследил за этими действиями и спросил:

– Я не понял – ты нашей музыкой брезгуешь, что ли?

Слава, не отвечая, немного потянулся к усилителю, чтобы прибрать чересчур звенящие верха, и в этот момент поклонник Шатунова вытащил из кармана нож, нажал кнопку и, едва лезвие выскочило наружу, полоснул им по протянутой руке диск-жокея.

Потом, на следующий день, когда Слава пришёл в школу как ни в чём не бывало, все узнали, что ничего особо страшного с ним не случилось, хотя в травмпункте эту рану зашивали около двадцати минут. Но в тот момент светлая рубашка моментально окрасилась кровью, а её хозяин ойкнул и отдернул руку, машинально прижав натекающие капли другой ладонью.

– Ты будешь, сука, что-то делать... – шипящим голосом начал было говорить Глобус, но закончить фразу не успел. Слава вскочил и со всей силы толкнул его в грудь.

Противник не удержался на ногах и отлетел прямо на кучу одежды, сваленную на подоконнике, уронив нож на пол. Куртки и шарфы не дали ему сразу подняться, он забарахтался там, как в сугробе, и лишь немного привстал. Раненый, не дожидаясь, когда тот выберется, подбежал и в диком прыжке пихнул своего обидчика ногами в грудь. Глобус выбил спиной стекло в огромном окне и с криком вылетел наружу.

Громкий звон и дунувший с улицы в разбитое окно сильный холодный ветер моментально привлекли внимание учителей. Уже через несколько секунд директриса по лестнице вбежала на сцену с криком: «Что у вас тут происходит, ненормальные?!»

Диск-жокей стоял и смотрел на свою окровавленную руку, с которой тёмно-красные капли падали на чью-то шапку. Филатов, не в силах шевельнуться, уставился в пустоту выбитого окна, куда улетел Глобус, не замечая, как замерзает в одной рубашке. Крапаль, поняв, что всё вышло из-под контроля, молча исчез. Как потом выяснилось, унеся с собой под курткой пару шапок.

Больше в школе до их выпускного вечера дискотек не было. Славе зашили руку и через папу отмазали перед милицией от травм, которые получил Глобус после падения со второго этажа в виде пары переломов и ушибов – его даже в больницу не положили.

Никто в классе, да и во всей школе не ожидал от вполне приличного мальчика, не замеченного в хулиганстве, такой прыти в драке. Похоже, и он сам тоже. И даже мама его была в шоке от случившегося, но придерживалась позиции: «Так этому уроду и надо!»

– Я просто вдруг подумал, что на гитаре больше не смогу играть, – вспоминая случившееся, потом много раз одно и то же рассказывал Слава. – И у меня будто в глазах потемнело. Не помню, как потом всё было.

Он на время стал в классе героем, но этот его героизм в дальнейшем больше не пригодился. Местные хулиганы оставили школу в покое – кого-то запугали участковые, кто-то пошёл по малолетке.

А Филатов навсегда запомнил, как Слава пострадал за «Белые розы», но отстоял своё право на ту музыку, которую считал нужной. И никакие Глобусы ему были не указ. Даже под угрозой ножа.

5 1990 год

Сразу после поступления в институт Миша стал меньше интересоваться музыкой. Как мама и обещала, учиться здесь было и крайне занимательно, и чрезвычайно трудно.

Общага сразу произвела странное впечатление. Вроде бы гнетущее, тоскливое – но она подарила и ощущение чего-то нового и интересного. Хотелось здесь быть – это Филатов понимал. Мама волновалась, он тоже нервничал, но с каждым днём всё глубже и глубже вживался в это новое состояние – быть студентом медицинского вуза, живущим вне дома.

Поначалу жизнь сильно разделилась на две области – весь день он проводил в институте, на занятиях группы или лекциях, а вечером изучал общежитие, заходя в гости к тем, с кем познакомился в колхозе на абитуре.

Первокурсников было легко узнать – они бежали на учёбу из своих комнат сразу в белых халатах. Старшекурсники прижимались к стенам, пропуская летящую с верхних этажей молодёжь. Все знали, что здесь тот, кто бежит вниз, опаздывает, а значит, стоит уступить ему дорогу. Миша не был исключением.

Встав утром под свой индивидуальный будильник из игрушки с Волком и корзинкой, в которую тот ловил яйца, он быстро кипятил громко шумящий чайник без крышки, во всём остальном стараясь не производить лишних звуков. Чайник утром прощался всем, а звон чашек, громкие шаги и упавшие учебники – никому. Чай с сахаром, бутерброд с сайрой. Быстро и тихо одеться, накинуть сверху белый халат, предусмотрительно крахмаленный мамой, проверить в кармане такой же белый и жёсткий от крахмала колпак, схватить сумку с учебниками и тетрадами и выскочить на лестницу точно по рассчитанному времени.

Трёх минут хватало, чтобы быстро дойти до первого корпуса. Чуть дольше, потому что в гору, было идти до третьего и пять-семь минут до пятого – он был дальше всех. Второй и четвёртый корпуса были ещё дальше, на Некрасовской, но там у их курса занятия не проходили.

Он, конечно, знал, что ещё занятия бывают в больницах, но не предполагал, что уже в первый год учёбы придётся мотаться на Академгородок в бассейновую больницу, где в них по мере сил вкладывали знания по предмету «Общий уход за больными».

По лесу на Академе вдоль широкой тропы сновали чёрные белки с пушистыми хвостами, орала вороны, а высохшие корни так и норовили поставить подножку. И в такие моменты у Филатова в голове постоянно звучала музыка. Не как у Чайковского, нет – он не сочинял и в принципе никогда не делал попыток к этому. Просто звучали песни, которые были ему дороги со школы. Они отвлекали от усталости, от бесконечного владивостокского ветра, который всегда дул в лицо, куда бы ты ни шёл.

Музыка реальная возвращалась к нему по выходным. Делать в общаге по субботам и воскресеньям ему было нечего, она в значительной степени вымирала за счёт уезжавших домой приморских студентов (Уссурийск, Находка и ещё ряд городов края давал Владивостокскому мединституту львиную долю учащихся). Он собирал большую спортивную сумку с синей надписью «Динамо», складывая в неё уже далеко не белые халаты и прочую одежду, требующую стирки, и шёл на Первую речку, чтобы успеть на электричку в Уссурийск.

Дома мама пыталась вытащить из него хоть что-то об учёбе, но он первым делом включал свою «Вегу», ставил винил Сандры или «Чёрного кофе» (в зависимости от настроения, с которым приезжал, его сильно бросало из стороны в сторону, от Bon Jovi до «Арабесок» или от ДДТ к Modern Talking), надевал большие наушники, падал в кресло, закидывал ноги на маленький журнальный столик и слушал, слушал...

Мама подходила, толкала его в ногу. Он открывал глаза и по губам понимал, что она предлагает поесть. Молча кивал, на пальцах показывая то, что мама принимала за минуты – на самом деле это было количеством песен, которые он прослушает прежде, чем пойдёт на кухню. В итоге всё остывало, мама приходила ругаться, он снимал наушники, они обнимались, мирились, после чего Миша снова садился в кресло, чтобы дослушать хотя бы то, на чём его прервали.

Примерно через пару месяцев попытки повлиять на этот музыкальный ритуал сына прекратились. Стало понятно, что для него это некое заземление, сброс усталости от чужого города, общежития и учебных нагрузок. Лёжа в кресле в наушниках с закрытыми глазами, он освобождался на время от всех забот, неустроенного быта, мыслей об учёбе и о том, как завтра придётся ехать обратно в душной электричке. Музыка давала ему возможность перейти в некое «пятое агрегатное состояние» и совершенно не беспокоиться ни о чём, пока в ушах играет мелодия. Включил – и ты уже там, внутри песни, ритма, текста...

В общем, мама ждала, когда сын немного разгрузится от недельных испытаний институтом, общагой и Владивостоком, и только потом вступала с ним в более предметный разговор.

– И как там по анатомии успехи? – интересовалась она, глядя, как он наворачивает добавку куриного супа.

– Позвоночник учим, – в паузах между ложками коротко рассказывал Миша. – Пока всё просто. Говорят, самое сложное начнётся, когда до черепа дойдём. Там всякие кости, ямки, дырки...

– Да, череп – это действительно сложно, – соглашалась мама. – А с позвоночником справляешься?

– Как сказать, – оторвался от супа сын. – Вот недавно писали контрольную, надо было на латыни ответы давать. Как позвонки называются, отростки, отверстия, дужки. В группе написали кто десять, кто двадцать терминов. Я вспомнил шестьдесят два. Честно.

Мама приподняла брови и предложила ещё подлить супа. Он замотал головой и показал на чайник.

– Шестьдесят два? – наливая кипяток в кружку, спросила мама. – Там есть вообще столько?

Филатов даже прекратил дожёвывать курицу, возмущённо выпрямился и засопел.

– Не веришь? Ну давай. Парс цервикалис помнишь? Шейный отдел. Ты считай, считай. Парс торакалис. Парс люмбалис...

– Поясничный, – кивнула мама.

– Ос сакрум и ос кокцигис, они же крестцовый отдел и копчиковый, там хоть и несколько позвонков, но кость получается одна. Потому и термин так звучит.

– Согласна. Пока пять.

– Считаешь? Значит, всё-таки не веришь, – буркнул он, не чувствуя, как мама играет с ним в это недоверие, потому что иначе об успехах сына можно и не узнать. – Тогда продолжим. Атлас и Аксис помнишь?

– Конечно. Атлант и второй шейный позвонок. Итого семь терминов. Не забывай, нам до шестидесяти надо добраться.

– Вертебра Проминенс, – прищурившись, добавил студент. – Такое вспомнишь?

Мама пожала плечами и вопросительно посмотрела на сына. Миша встал и несильно, но назидательно ткнул пальцем ей сзади в основание шеи.

– Седьмой шейный. Он же выступающий. Знать такое надо.

– Безусловно, – согласилась она и поставила на стол кружку. – Можно вспоминать и чай пить. Так даже лучше будет получаться.

– Да, кстати, забыл. Колумна вертебралис – это сам позвоночный столб. Все вместе, так сказать.

– Девять, – загнула пальцы мама. – Пока двух рук хватает.
– Скоро не хватит, – дерзко ответил Миша. И его понесло.
– Корпус вертебрэ, каналис вертебрэ, форамен вертебрэ, ареус вертебрэ, – затараторил он. – Процессус спинозус, процессус трансверзус. Считаешь? Процессус артикулярис супериор и такой же инфериор. Эти за два пойдут. Инцизура вертебрэ супериор...

– И инфериор, – дополнила мама. – Тоже два.

– Два. Сколько там набежало?

– Рук уже не хватает. Девятнадцать. Много. Но не шестьдесят.

– Шестьдесят два. Форамен процессус трансверзус. Так, потом сверху ещё у нас... Аркус anteriор и аркус posteriор, это у атланта две дуги. Там вообще соединение очень сложное между атлантом и аксисом, хитрое. Вертится всё вокруг зуба. Зуб, кстати, дэнс. Что у аксиса, что зубы во рту называются одинаково. И чтобы соединиться, у них есть туберкулюм anteriор и фовеа дентис на атланте...

Он даже стал показывать на пальцах, как там что и куда зацепляется. Мама в ответ лишь улыбалась и выкладывала на стол из вазочки маленькие сушки с маком, которыми обозначала подсчёт терминов. Когда сын спустился по позвоночному столбу до самого низа, все сушки оказались на столе – штук тридцать с лишним (не считая десяти загнутых в начале пальцев). Затем она стала просто кивать на каждое новое слово, сказанное на латыни, перестав их подсчитывать.

Миша этого не замечал и всё шпарил, шпарил ей свежевыученные термины, не забывая про рёберные ямки, сосцевидные отростки, тазовые крестцовые отверстия и прочие анатомические особенности человеческого позвоночника. Заметив, что сушки давно закончились, он спросил:

– Сколько?

Она пожала плечами и улыбнулась:

– Мне кажется, что за сотню перевалило, сынок. Думаю, можно остановиться. Ты выиграл.

– Да мы ж не играли, – возмутился он. – Ты сказала, что не веришь...

– Я не говорила такого. Я в принципе так не могу сформулировать. Скажем, я слегка засомневалась. Для поддержания разговора. И ты все мои сомнения рассеял, – она развела руками, а потом вернула сушки со стола обратно в вазочку. – Иначе бы как я узнала, что вы там проходите и в каком объёме. А мне, между прочим, интересно, Миша. Очень.

Сын замолчал, переваривая услышанное, потом отхлебнул горячего чаю, раздавил в кулаке сушку, которой пару минут назад мама обозначила отросток в позвонке.

– Со следующей недели череп начинаем, – задумчиво сказал он. – Надо бы попробовать в общаге его найти, чтобы заниматься помимо кафедры.

– Да, там многое можно найти, – согласилась мама.

И была права. В комнатах можно было встретить что угодно. На стенах часто висели кости рук и ног, слегка желтоватые от времени и пыли и соединённые проволочными петлями, имитирующими ход суставов. Первокурсники учили на них всякие поверхности, выемки и бугорочки, а во времена шумных вечеринок пугали трясущимися кистями друг друга, хотя впечатлить этим в общаге мединститута было нереально.

В нескольких комнатах – Миша слышал об этом – можно было договориться и взять на время череп целиком или его фрагменты. Делали черепа санитары из морга. Они вываривали в вёдрах головы бомжей, после чего на выходе получали препарат, пахнущий формалином и немного похожий внешним видом на пластмассовый. Кому-то он был нужен для учёбы, кому-то в качестве жуткого украшения или талисмана – Филатов цен не знал и покупать не собиравался, а вот взять в аренду за консервы или ещё за какую-нибудь еду был готов.

Он видел один такой – в электричке его вёз домой старшекурсник, который заснул, сидя у прохода, а его приятели, зная о содержимом сумки, немного расстегнули на ней «молнию» и выставили череп наружу. Проходящие мимо продавцы газет и пива вздрагивали, видя, как на них из спортивной сумки пляшут пустые глазницы, и даже забывали предлагать свой продукт, чуть ли не пробегая мимо. Студенты давились со смеху, а Миша молча завидовал хозяину черепа.

Самым ценным из хранившегося в общежитии была коллекция препаратов по гистологии, госэкзамен по которой сдавался после третьего семестра. Коробка со стёклами, где были окрашены и зафиксированы срезы разных тканей, шла в комплекте с микроскопом. Раздобыть её было сложно, она всегда находилась в чьих-то цепких руках, и отдавать быстро никто никогда не собирался. Свыше пятидесяти срезов, которые надо было узнавать по одному взгляду на них, отличались от экзаменационных только тем, что были подписаны. И ты смотришь и запоминаешь, смотришь и запоминаешь... Вот это мазок крови с окраской по Романовскому, здесь волокнистая соединительная ткань коллагенового типа, а за ней идёт диафиз декальцинированной трубчатой кости с окраской по Шморлю, срез спинного мозга, задняя стенка глаза, мазок крови...

Значимость коллекции он осознал ещё в самом начале учёбы. Микроскоп и коробочка с препаратами отправлялись в дальнее плавание именно из их комнаты – Ярику давали за неё от бутылки водки до мешка картошки, в зависимости от текущих потребностей. Товарно-препаратные отношения помогали не остаться голодным одним и сдать экзамен другим. Откуда эта ценность взялась в комнате, он не спрашивал, но, вероятнее всего, путь её был долог и тернист.

Гистология, она же наука о тканях, была чертовски нудной, выносящей мозг и требующей от каждого – каждого! – умения рисовать. Пусть не очень хорошо, не слишком точно – но в обязательном порядке. Альбом по этой дисциплине был предметом одновременно и муки, и гордости каждого студента первого и второго курса. Ты приходил на занятия, заглядывал в микроскоп, а потом цветными карандашами зарисовывал то, что видишь. Причём делать это надо было так, чтобы через несколько месяцев ты мог подготовиться к экзамену по своим рисункам.

Филатов, проклиная всё на свете, рисовал. Клеточки, реснички, трубочки, кружочки. Красные, синие, зелёные, фиолетовые... А после надо было ещё подписать, где что изображено. Каждый раз он смотрел на своё творчество и завидовал тем, у кого получалось чуть более похоже. Но когда он осознал, что в сдаче экзамена ему поможет волшебная коробочка с микроскопом, то стало намного проще. Он раскрепостился и только схематично обозначал на листе то, что увидел в объектив, всегда вспоминая слова Электроника и озвучивая их после сдачи альбома на проверку:

– Настоящий художник должен быть правдив!..

Легенды об академике Мотавкине, возглавлявшем кафедру гистологии, ходили по общежитию в виде случаев, каждый из которых обязательно произошёл именно с тем, кто его рассказывает. Когда Миша несколько раз услышал одно и то же из уст студентов разных курсов, то перестал в это верить и просто смеялся со всеми вместе, потому что академик был язвитель, точен в формулировках и необычен в манерах, внешнем виде и поведении. Лучше всего он запомнил, а потом и поведал в один из приездов маме, как на сдаче экзамена Мотавкин поставил кому-то «уд.», объяснив, что это сокращение от слова «удручающе», и отправил нерадивого студента на пересдачу. Мама давно так не смеялась – у него получилось передать эту ситуацию в лицах, изобразив опечаленного преподавателя очень точно.

Не менее важной ценностью были и истории болезни, оставшиеся от старшекурсников. Нет, это были совсем не те истории, что Филатов видел в больницах или поликлиниках. Восемнадцатистовые тетрадки в клеточку освобождались от скрепок и укладывались перед тобой вертикально. На этих листках ты начинал писать по пунктам жалобы, анамнез заболева-

ния, анамнез жизни, данные объективного исследования и всё остальное, что можешь сделать и написать после беседы с пациентом, которого тебе назначает преподаватель. Это должно было случиться с Мишей на третьем курсе вместе с появлением в его жизни дисциплины под названием «Пропедевтика внутренних болезней», но сейчас потрёпанные старые истории, оставшиеся от тех, кто давно выпустился и работает по специальности, казались чем-то жутко непонятным, сложным и практически невыполнимым.

Он пролистал парочку таких тетрадей. Попутно узнал от соседей по комнате ещё более страшную новость – после третьего курса так будет на каждой дисциплине до самого конца. Ярик уверял, что писать истории придётся по хирургии, инфекции, гинекологии, внутренним болезням – и никогда не знаешь, где и к чему придерутся. На одних циклах преподаватели молча собирают их для галочки, на других – читают всё подряд и цепляются даже к запятым. Переписывать их приходилось порой по много раз. Каждый студент обязательно знал кого-то, кто сдавал эти проклятые истории с десятого раза, а то и вылетал из-за них в академический отпуск, что было, по общему мнению, верхом преподавательского людоедства.

В итоге он выяснил, что общага, при всей её странной и не похожей ни на что жизни, является кладезем разных интересных штук, способных помочь в любой ситуации. Посещая по вечерам своих однокурсников, он сложил в голове некую схему того, что и где можно добыть. Где есть препараты, где – чьи-то конспекты, где всегда нальют чаю и помогут с задачами по биологии и химии, а где можно просто посидеть и потрепать языком, на время забыв, что завтра опять на учёбу.

В одну из таких вечерних вылазок он внезапно купил плеер.

Это не было случайностью. Музыка ему очень не хватало. Он как мог, восполнял этот голод дома, но там надо было тонко балансировать между «Вегой» и мамой, а также бывшими одноклассниками, с которыми тоже хотелось увидеться, чтобы узнать, кто как учится. Мозг жадно звал к ритму и красивым мелодиям – в итоге это вылилось в то, что однажды в гостях у Ромы Попова на втором этаже ему предложили купить далеко не новый, но рабочий кассетный плеер.

Рома внезапно увлёкся качалкой неподалёку от общаги, проводил там много времени, нарастил бицепсы до нереальных размеров и решил перейти на специальное питание, которое требовало денег. Филатов прикинул свои финансы, пощупал плеер, послушал звук в поролоновых синих наушниках и пришёл к выводу, что в целом покупка того стоит. Деньги перекочевали к Роме, плеер – к Мише.

Он знал, что основной проблемой станут батарейки, но помогло увиденное как-то раз техническое решение. Ремень с сумкой на животе, называемый «напузником», который он купил в Уссурийске на китайском рынке год назад, состоял из двух карманов. В большой помещался плеер, в маленький – квадратная батарейка. Он прорезал между карманами дырку, прикрутил к контактам в плеере проводки, вывел их в маленький карман и нацепил на батарейку.

Вернувшись в очередной раз домой и поклянчив немного денег у мамы, купил несколько китайских кассет-подделок с гордым логотипом Sony. Выглядели они ужасно, пластик корпусов был отвратительным, бумажки отклеивались, коробочки скрипели, но Миша записал на них почти всё то, что слушал дома.

Пока записывались кассеты, он с мамой поужинал и вкратце рассказал об успехах в учёбе. К этому времени Филатов успел сдать ещё пару коллоквиумов по анатомии, рассчитаться с курсом физколлоидной химии и отработками по биоорганике. Её он искренне ненавидел всей душой и из-за этого нещадно прогуливал (но маме, конечно, об этом знать было не нужно). Кроме того, он начал писать курсовую работу по физике, наличие которой в мединституте искренне его удивляло.

В целом, весь первый курс был для него, как и для многих студентов, большой загадкой. Он казался продолжением школы – физика, химия, физкультура, рисование, гражданская

оборона. А ведь белые халаты требовали врачебной науки, зывали к пациентам, диагнозам, операциям. Пожалуй, только курс нормальной анатомии укладывался в эти желания – а всё остальное словно было навязано в насмешку. Оставалось только насобирать гербарий, соорудить поделку из желудей и сдать деньги на шторы и цветы для преподавателя, чтобы ошутить себя снова в школе.

Об этом он и говорил за ужином маме, которая внимательно слушала его и вздыхала. Чувствовалось, что она что-то хочет сказать, но не решается.

– Честно говоря, я тоже была не в восторге от этих предметов, сынок, – наконец, заговорила она. – Физика, политэкономия, научный коммунизм, работы Ленина конспектировали...

– Вот-вот, и у нас тоже история, политэкономия, социология, социальная психология, – подхватил Миша. – Невозможно попутно с анатомией и общей хирургией такие вещи читать, глаза просто вытекают! Ни слова в этих учебниках непонятно. Хорошо хоть, что за это только зачёт, а не экзамен, а то с ума можно было бы сойти!

Он благоразумно умолчал о том, какой ценой ему дался зачёт по социальной психологии, куда он ходил лишь два раза из восьми. Преподаватель не требовала с него отработку, но на экзамене отодвинула билет (который, он, кстати, частично даже знал) и, пристально глядя в глаза, спросила:

– Вы нам сможете рассказать о психологии бессознательного? Хотя бы вкратце. Судя по количеству посещений моего предмета, вы всё знали ещё в школе и решили не повторять это дважды. Прошу вас порадовать меня столь долгими и прочными знаниями. Итак, психология бессознательного. Тезисно. О чём это вообще?

Сзади кто-то тихо шепнул: «Фрейд...», но эта фамилия хоть и была давно ему известна, ничего особо не добавила. Фрейда он не читал, а потому решил оттолкнуться от термина «бессознательное» и абсолютно искренне ляпнул:

– Бессознательное – это то, что случается с человеком, когда он долго лежит без сознания. В коме, например. Лежит и забывает там всё.

– Где «там»? – не смея возразить, решила уточнить педагог.

– В коме, – ещё раз повторил Миша. – И от этого у него вообще всё... Не работает нормально. В организме. Совсем.

Сзади кто-то хрюкнул. Преподаватель вздрогнула и скрипнула зубами.

– Давайте зачётку, – попросила она металлическим тоном. Филатов протянул коричневую книжечку, не надеясь на чудо. Но когда там в поле напротив предмета «Социальная психология» появилось волшебное слово «Зачтено», он поднял на неё удивлённые глаза.

– Я уверена, что на пересдаче не услышу ничего нового, – сухо объяснила она. – Тратить на вас свои нервы ещё раз я не готова. Так же, как и ломать вам жизнь. Что поделаешь, не всем дано разобраться в этой науке. Вот вам, например, она явно не по зубам. Но не идти же из-за этого в армию...

Взяв в руки зачётку, он встал и вышел из аудитории. Безусловно, он был рад такому исходу заведомо безнадёжного мероприятия. Но то, как преподаватель мотивировала свой поступок, он ещё долго потом вспоминал. Правда, не переставая сомневаться в ненужности этих наук в медицинском институте.

– ...Я тоже, как и ты, понемногу возмущалась дисциплинам, что имели отдалённое отношение к профессии, ради которой я сюда пришла. И не я одна – были мальчишки в группе, которые высказывались на эту тему открыто. Шестьдесят третий год, оттепель, интереснее было читать стихи и гулять в Покровском парке, чем конспектировать «Детскую болезнь левизны» или «Как нам реорганизовать Рабкрин». Но потом, спустя годы, я поняла, что всё это было не зря.

– Почему?

– Понимаешь, если отвлечься от Ленина, то в целом это была попытка, уж извини за тавтологию, научить нас учиться тому же, что и в школе, только по новой системе. Нас не сильно грузили медициной, но демонстрировали, что высшее образование устроено по-другому. И пока мы в него втягивались, нам показывали всё на пальцах, бросая под танки физиков, биологов, экономистов. Мы сопротивлялись, мы ссорились с преподавателями, мы не видели смысла. Они в ответ обижались и выстраивали глубокую линию обороны своего предмета от нас, балбесов-школьников, возомнивших себя врачами с первого семестра. Наверняка ты слышал ценную – в кавычках – мысль, что чем бесполезнее предмет, тем злее его преподаватель?

– Да, – признался сын. – Попадалось и такое.

– Ты не первый, кто так думает. Это продолжается, наверное, ещё со времён Ломоносова. Надо просто понять таких учителей. Они защищают свою науку, своё видение предмета. И они защищают вас, дурачков, от вас самих. Они заставляют вас учиться. Ведь это единственное, что вы умеете после школы. Подумай над этим, если будет время.

Мама вздохнула, встала и начала мыть посуду. Спустя пару минут Миша присоединился к ней, вытирая то, что она ставила на стол.

Потом в электричке он, отгородившись от шумной компании синими поролоновыми кружочками наушников, слушал «Кар-Мэн» и видел себя танцующим на сцене актового зала третьего корпуса в косухе с тысячей металлических заклёпок и микрофоном в руках.

*– Давным-давно мы позабыли эти песни,
Они ушли, и наша молодость ушла...*

Его молодость только начиналась.

6 1991 год

Первый курс он закончил неплохо. Не идеально, как привык в школе, получив серебряную медаль – но в целом терпимо.

Санитарская практика вынуждала зависнуть на целый месяц во Владивостоке. Мама предлагала пройти всё по-честному у неё, но Миша решил испытать себя и остался. Он ещё ни разу не был во Владивостоке летом – и надеялся изучить некоторые его места поподробнее.

На практику он устроился в неврологическое отделение той самой бассейновой больницы, где у него были занятия по общей хирургии. Там шёл ремонт, из отделения всех выписали, и старшей сестре был нужен дневной уборщик и ночной сторож сутки через двое. За это гарантировали подписать дневник практики и даже – что очень радовало – обещали его не проверять. То есть указать там можно было всё, что требовалось по списку, а самому приходиться на работу, убирать за отделочниками те палаты, которые они закончили (мыть стены и полы, отдирать с плитусов краску и клей, таскать с места на место тюки белья и двигать кровати), а после шестнадцати – валяться на кровати посреди отремонтированного уже пищеблока и смотреть телевизор или слушать музыку.

Телевизора в общаге не было, что сразу подняло уровень практики до небывалых высот. В рабочее время Филатов особо не напрягался, делал всё неторопливо – примерно так же, как и сами отделочники, в итоге даже не уставая. Когда все уходили, он включал телевизор, доставал из сумки хлеб и пару банок консервов, кипятил чай, организовывал неплохой ужин и смотрел мультики или фильмы. Время от времени попадался даже футбол или клипы.

Конечно же, он всегда брал с собой плеер, который пока не подводил, хоть и выглядел изрядно потрёпанным. В общаге находились кассеты – так он послушал «Комиссара», «Стеллу», «Маленького принца». Где-то в мире в это время образовались Oasis и NIM, но Филатов не знал об этом. Он отодвигал стол, за которым ужинал, закрывал глаза, вспоминая движения Лемоха с Титомиром из клипов, надевал наушники, покрепче затягивал пояс с плеером – и танцевал. Придумывал что-то своё, оттачивал навыки в подсмотренном. Со стороны прыгающий в тишине пищеблока парень мог показаться кому-то странным – но никого не было, дежурная смена в отделение не заходила, так что никому не было до него дела.

Sandra, Sabrina, ставший уже золотым стандартом Modern Talking, Opus, Joy, Fancy, Falco. Потом подоспел Dr. Alban с его фантастической No Coke, которая удивила странным негритянским английским, но заставляла повторять припев, как мантру. Следом он открыл для себя Ice MC, балдея от Scream и Easy и стараясь разобрать всех перечисляемых актёров голливудского кино в Cinema.

В одной из комнат общаги позаимствовал кассету Silent Circle – и наконец-то понял, чьи песни он слушал в трудовом лагере в Корсаковке после девятого класса. Touch in the Night и ещё несколько хитов этой группы тогда постоянно играли в бараке у девочек, но никто не мог сказать её название. На самой кассете было просто написано красивым почерком «Попса на английском». Спустя два года Миша сумел выяснить правду.

Через три или четыре смены в больнице он решил, что танцует неплохо для того, чтобы сходить на какую-нибудь городскую дискотеку. И выбор пал на ДК Ленина на «Авангарде».

Образ для такого мероприятия ему в очередной раз подарил Сергей Лемох. Длиннющая футболка у него уже была, высокие кроссовки с вывернутыми язычками – так, чтобы шнурки оказались завязанными внутри, кепка козырьком назад – вся атрибутика была в нужном количестве. Трамвай довёз его туда – и он слегка обомлел, когда увидел, сколько народу толпилось у входа. Яркие футболки, кепки, спортивные костюмы, кроссовки, сигаретный дым, звон

пивных бутылок – он аккуратно протиснулся сквозь это людское море, купил билет и поднялся на второй этаж. Несколько человек бросили на него короткие взгляды, прицениваясь к виду или пытаясь узнать, но он прошёл мимо, не подавая виду. Он прекрасно понимал, что бывает в таких местах, особенно если приходишь туда в одиночку, но желание услышать музыку и потанцевать было сильнее.

С каждым шагом, приближающим его к дверям зала, биение ритма становилось громче. Верхи вылетали в открытые створки, низы прорывались по полу. В туалете кто-то громко спорил, виртуозно ругаясь. Филатов остановился на секунду, вздохнул и вошёл.

Зал был огромный, высокий, тёмный. Почти вся левая стена была зеркальной, вдоль неё стояли стулья. Танцевали в основном только девчонки, причём часть из них – исключительно перед зеркалами. Он встал спиной к одной из колонн, что поддерживали гигантский балкон второго этажа.

Музыку, которая играла, он узнал – это была одна из любимых его вещей Groove Machine 4 от знаменитого африканского стоматолога. Тот случай, когда исполнитель решил сделать только инструменталку и не вставлять в неё фразы на малопонятном диалекте. Танцевать захотелось сразу, но что-то держало Мишу у колонны. Он для начала огляделся, выделил в толпе тех, кто танцует хорошо, примерился к их движениям, прикидывая, сможет ли так же и не будет ли смотреться хуже, потом изучил парней и девчонок у зеркал. Было видно, что почти все они не просто занимаются самолюбованием, а пришли сюда потренироваться в этом нелёгком деле.

Кто-то отработывал вращение в духе Майкла Джексона, кто-то полушпагат, девочки попутно рассматривали свои и чужие фигуры и одежду, в которую эти фигуры были облачены. Но самое интересное было на сцене, куда вела лестница с высокими ступеньками. Там за пультом сидели два человека, а рядом с ними в центре танцевал парень в чёрных очках, светлой футболке, штанах цвета хаки и высоких армейских ботинках. Делал он это неплохо, взяв кое-что от MC Hammer и от вездесущих Кар-Мэн. Временами он приспускал очки на нос и снисходительно разглядывал зал. Ему махали снизу девчонки, но он оставался равнодушным.

Филатов, слегка пританцовывая, прошёл вдоль стены к сцене и принялся наблюдать за этим парнем. Кое-что показалось ему интересным, он постарался запомнить его движения. Очки тоже могли дополнить образ, но он не очень понимал, что можно видеть в этом полумраке, наполненном дымом от сигарет.

Один из диджеев взял микрофон и что-то неразборчиво произнёс – похоже, представил следующую песню. Миша с удивлением узнал голос одного из радиоведущих VBC Юры Ремезкова – исполнитель песни для него остался загадкой, а вот лёгкое посвистывание скрыть было невозможно.

За пультом ему помогал мордатый саундмастер с кучерявыми волосами, изредка поднимавший голову на колонки-мониторы. Зал его не сильно интересовал.

Слушая музыку, Филатов чувствовал, что сильно отстал от того, что делается в мире дискотек. Он знал, что в ДКЛ есть студия звукозаписи, и решил в свободное время зайти туда, чтобы купить что-то поновее и поинтереснее.

Парень на сцене принялся не очень удачно изображать Майкла Джексона, и Мишу это подтолкнуло выйти от стены примерно к основанию лестницы. Услышав знакомую Billie Jean, он не мог совладать со своими ногами.

Примерно через минуту движения на сцене прекратились, очки снова опустились на нос – но на этот раз взгляд был направлен точно на Филатова. Потом парень сухо кивнул и сделал ладонью жест, который нельзя было понять иначе как «Поднимайся».

Миша для порядка указал пальцем на себя, дождался подтверждающего кивка. Танцующим шагом он преодолел лестницу, чувствуя, что в спину ему смотрит половина зала, встал рядом.

– Санёк, – Филатов пожал протянутую мокрую и горячую руку. – Обладаешь. Можем на двоих сообразить.

И он показал небольшую серию быстрых движений.

– Готов?

– Готов, – не соврал Миша. Ничего сложного в том, что продемонстрировал Санёк, не было.

– Тогда давай минутку танцуй как хочешь, я потом махну и зарядим вместе.

С этими словами он поправил очки, подпрыгнул, перекрестив ноги, быстро крутанулся на месте и подмигнул своему неожиданному напарнику. Они стали танцевать очень вразнобой, что показалось глупостью. Филатов захотел уйти и даже сделал шаг к лестнице, но из-за пульта встал кучерявый саундмастер, чтобы спуститься в зал, и Миша наступил ему на ногу.

– Извините, – замер он.

– Да пошёл ты, – махнул тот рукой и двинулся дальше.

– Всё нормально, – тронул его за рукав Санёк. – Завгар свой, просто не в духе.

– Завгар?

– Олег Завгородний.

Второе имя с VBC, которое всегда звучало вместе с Ремезковым. Знаменитый дуэт вёл здесь дискотеки? А ему удалось с первого раза попасть к ним на сцену и даже наступить одному из них на ногу?

Он усмехнулся и подстроился под те движения, что делал Санёк. У них неплохо получилось, из зала кто-то одобрительно свистнул, но Миша слишком сосредоточился на танце, чтобы попытаться разглядеть, кто это был.

– Вы тут не сильно по полу грохайте, скакуны, – крикнул Ремезков, подойдя вплотную. – А то быстро в зал пойдёте, я вам в этом помогу. Санёк, тебя сюда одного приглашали, а ты тащишь всех.

– Юра, не всех я тащу, а только тех, кого нужно. Парень отличный, я это сразу увидел, мы с ним в паре нормально так срастим, – он замотал головой. – Больше никого, обещаю.

Ремезков оценивающе посмотрел на Филатова, вздохнул и вернулся за пульт.

– Не обращай внимания, – почти в самое ухо приободрил его танцор. – Они не против. Хоть какая-то картинка на сцене. Привыкли на своём радио, что их никто не видит, вот и не заморачиваются.

Через пару песен они сумели даже что-то синхронно изобразить. Санёк, поймав ритм, заданный напарником, повернулся к нему и показал большой палец. Мише и самому нравилось; он воодушевился, выдал несколько ловких движений, потом споткнулся о стык линолеума, сбился с шага и тут понял, что устал.

Остановившись, сделал знак, что нужен перерыв.

– А если мы уйдём, никто наше место не займёт? – спросил он, немного отдышавшись.

– Наше? – усмехнулся Санёк. – Быстро ты... Да ладно, не дёргайся, ты можешь остаться. Я с ходу вижу, кто свой, а кто нет. Будем сегодня вместе, потом посмотрим. Хочешь отдохнуть, можешь вот здесь присесть, – он показал за спины диджеев, там был лишний стул. – Или в зал спустись, там у зеркал места много.

Подходить к парням с VBC было боязно, и он, собравшись с силами, стоя боком к залу, чеканным шагом, который в одном из выпусков MTV окрестили gunning man, спустился по ступенькам. Ему даже не надо было глядеть по сторонам – он знал, что на него сейчас смотрит несколько пар глаз. Одни восхищённо, другие удивлённо, а кто-то запоминает и надеется повторить.

У зеркальной стены действительно оказалось несколько свободных стульев. Чтобы никому не мешать, он ушёл подальше от сцены, присел и прикрыл глаза. Ноги гудели вместе

с подрагивающим в такт музыке полом, дыхание восстанавливалось. Он всегда выкладывался целиком, не терпя никакой халтуры, никаких движений вполсилы. Ты или танцуешь, или нет.

– Учился где-то? – услышал он звонкий голос у самого уха и открыл глаза.

Девушка. В бейсболке. В руках сигарета, вокруг пояса завязаны рукава спортивной куртки. Она только что выдохнула дым в сторону, скривила рот да так и замерла в ожидании ответа.

– Нет, – подобрался на стуле Филатов, сел ровнее и наклонился чуть вперёд, чтобы пере-кричать музыку. – Всё сам.

– Неплохо, – она затянулась, покачала головой. – Я в этом понимаю немного. Таня, если что.

– Миша.

Она кивнула и протянула сигарету фильтром к Филатову, предлагая докурить.

– Не, я не курю.

Девушка усмехнулась уголком рта. Он не понял, разочаровал он её или порадовал.

– Покажешь?

– Что?

– Как ты по лестнице сейчас.

Он машинально обернулся на сцену, вспомнил свои шаги на ступеньках, посмотрел на ноги Тани, оценивая кроссовки и узкие джинсы, и с сомнением пожал плечами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.